

Юрий Мамлеев

Невиданная
БЫЛЬ

СТИХИ И ПРОЗА

Метафизическая Поэзия

СЕРИЯ «МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ»

ЮРИЙ МАМЛЕЕВ

НЕВИДАННАЯ БЫЛЬ

СТИХИ И ПРОЗА

2014

УДК 821.161.1

ББК 84(4Рос)

М 22

Юрий Мамлеев

НЕВИДАННАЯ БЫЛЬ

СТИХИ И ПРОЗА

Серия «Метафизическая поэзия». –

М.: Издательская группа Традиция, 2014. – 272 с.

ISBN 978-5-9905747-0-0

Сборник «Невиданная Быль. Стихи и проза» открывает перед нами новые творческие грани Юрия Витальевича Мамлеева. Известный философ и писатель в этом сборнике предстает как автор поэтических произведений. В своей неповторимой творческой манере он рисует образы «потустороннего», странным образом проявленного в нашем мире.

Сборник состоит из пяти частей, пяти тем. Каждый раздел открывается текстом – рассказом, романом, эссе – за которым следует блок стихов, написанных как бы от лица героев предвещающих литературных произведений. Темы представлены самые разные: истории обитателей запредельных сфер, изощренные философские и метафизические размышления, стихи о России... На фоне безысходной тоски «нездешних тварей», в контексте гротескных пейзажей обыденной жизни, в раскатах дикого хохота проявляется неустанный внутренний поиск духовной свободы.

Литературно-поэтический сборник Ю.В. Мамлеева «Невиданная Быль» продолжает серию «Метафизическая поэзия» издательской группы «Традиция».

В оформлении книги использованы мотивы старинных русских орнаментов.

© Юрий Мамлеев, 2014

© Издательская группа «Традиция»

© Тимофей Решетов, составление, предисловие, 2014

© Андрей Степанов, общая редакция, 2014

© Евгения Бубер, дизайн, орнаменты, 2014

© Ольга Кожанова, портрет Юрия Мамлеева, 2014

СЛОВО ИЗДАТЕЛЯ

ДОРОГОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Эта книга не для всех...

Нужно быть соответствующе подготовленным,
своего рода Посвящённым в мистерии Запределья,
о которых идёт речь в этой книге.

Или же нужно подойти к границам собственного Я,
к своему пределу, к рубежу, за которым начинается Бездна.

Кто возьмет этот барьер «других» смыслов,
для того мир навсегда изменится или... «исчезнет».

Или уже исчез.

Ведь – согласно некоторым учениям –
конец света уже давно наступил, хотя в «нашем» времени
он будет длиться ещё очень долго.

Но в любом случае – это шанс.

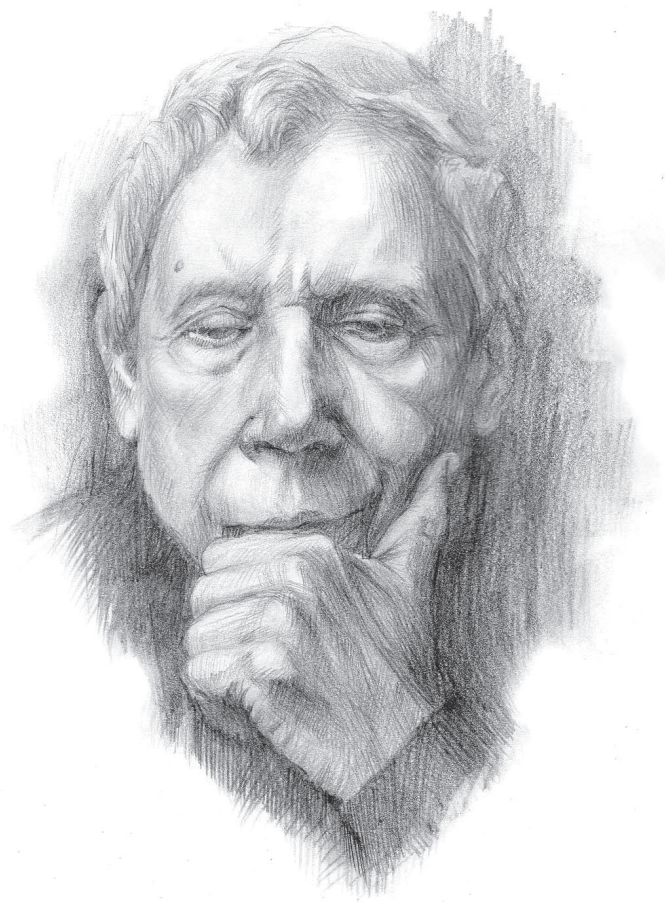
Шанс после «скончания миров»,
после «гибели богов»

узнать Себя,

узнать Кто есть кто,

узнать То-Чего-Нельзя-Узнать.

БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ

*Мир исчезнет... Был он или не был?
Но из уст Кого-не-знал-никто
Потечёт Невиданная Небыль,
И узнает каждый, кто есть кто.*

Юрий Мамлеев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Знакомаясь с произведениями Юрия Мамлеева, мы открываем для себя обширный пласт мировоззренческих концепций, отображающих привычный нам внешний мир в контексте изошрённого философского поиска. Все произведения этого автора роднят некие общие черты; через рассказы, романы, философские работы проходят незримые лучи запредельного. В игре этих лучей и нам, читателям и почитателям, порой удаётся отчетливо обнаружить отблески сущностного света.

Первый такой луч, базовый и основополагающий – это Последняя доктрина¹. Абсолют и... Бездна – за пре-

---

¹ Последняя доктрина» – одна из заключительных глав основного философского труда Ю.В. Мамлеева «Судьба бытия». Это метафизическое исследование основ Бытия, в котором автор делает попытку выйти за рамки Традиции, шире взглянуть на онтологический континуум и обнаружить иные грани реальности, иные точки отсчёта, ранее неакцентированные. Анализируя философию одного из основополагающих философских течений Индии – адвайта-веданты – Юрий Мамлеев смещает фокус восприятия в область внутреннего Высшего «Я». Эта искра Абсолюта, заложенная в каждом элементе Творения, обладает самобытием. Самоотождествление с собственным Высшим «Я» – то, что Мамлеев называет метафизическим солипсизмом, – позволяет значительно интенсифицировать процесс собственного бытия, но между тем приводит к неподвижным ситуациям. Следуя идее Последней доктрины, мы обнаруживаем себя на грани Бездны – полного отсутствия всякого бытия вообще, на грани мета-оппозиции Абсолюта как Единства Всякой Полноты.

делами Абсолюта, Бездна того, чего нет, Бездна некоего Полнейшего Отсутствия, но при этом своим несуществованием она оказывает столь мощное влияние на всеобщую вечность Абсолюта, что в какой-то момент сама становится как бы стимулом, порождающей силой Первого. Бездна для Абсолюта есть полная противоположность; всякому существу в Абсолюте противопоставляется отсутствие всякого существования Бездны. С другой стороны, имеется ситуация «Я», не некоего условно-неопределенного частного «я» индивида, но Высшего Я, которое способно в поиске самореализации в Абсолюте обнаружить себя на грани Бездны и, глядя в неё, увидеть невозможность продолжения «падения», поскольку за пределами этой грани уже лишь тотальное, безвозвратное полное мистическое растворение, несуществование. При этом разумеется, что Бездна собственно всегда доступна нам для контакта в нашем мире, и имеют связь с ней те, у кого активизируется особый орган восприятия, «глаз в Бездну». Дойдя до предела падения, отразив свою внутреннюю пустоту в немых гранях запредельного, Высшее Я, стоя на пороге Бездны, обретает своё спасение, оборачивается, наконец, к Первоисточнику Всеединства и, очищенное, отныне уже стремится лишь к Творцу. Или же, напротив, решается бросить вызов Последнему и ринуться в Бездну, рискуя полным самоуничтожением в порыве бесконечной тоски по самобытию, по абсолютной, абстрактной свободе.

Ситуация Последней доктрины находит своё продолжение и развитие в другом творческом луче, в России Вечной. Здесь Юрий Мамлеев предлагает совершенно новое, необычное осмысление высшего предназначения

России, её бытия как отдельной реальности, невысказано и невероятно проявленной в мире нашей повседневности. В этой сфере опыта обретают себя души тех, кто нацелил свой порыв в беспредельность. Но это не просто сообщество мнимых сталкеров, это – именно то положение, где грань между Абсолютом и Бездной находит свое мета-воплощение. Своего рода пограничная территория, в которой рано или поздно субъективно или/и объективно осознают себя участники этого мира. Россия Вечная – далеко не утопия, где всё устроено положительно правильно, абстрактно рационально, для равного счастья неких «всех», и, конечно, это не мир деструкции и коррупции. Россия Вечная наполнена иным, никак не зависящим от материи бытием. Присутствие здесь грани Бездны придает особую сущность всякому проявлению, постоянная близость «чистого небытия» при этом полностью скомпенсирована наличием неразрывной, непосредственной связи с Абсолютом. Возникает триединство: Абсолют, Бездна и Россия Вечная, связующая их.

Обе эти доктрины лежат в основе всех прочих произведений Юрия Мамлеева. Собственно, прежде всего он известен в мире как автор художественных произведений, рассказов, романов. В этом ряду мы имеем массу замечательнейших и глубочайших примеров. Всякий, кто как-то читал эти произведения, сразу отреагирует на слово «мамлеевщина» – этот термин прочно утвердился за особым взглядом на реальность, присущему автору. Квинтэссенцию этого художественного стиля мы находим, в частности, в романе «Шатуны». Тут мы оказываемся в жутковатой ситуации, которая складывается вокруг главных ге-

роев повествования в контексте их поиска потустороннего. Фёдор Соннов, олицетворяющий существо из Бездны, преследует главных героев романа («метафизических», как он сам их называет) с целью их онтологического уничтожения: так проявляется реакция Бездны на исходящий от «метафизических» духовный импульс свободы. Путь субъективного, внутреннего поиска приводит их к ощущению близости полного, тотального самоуничтожения; но тут загорается их вера в собственное бессмертное, неуничтожимое самобытие, и эта вера останавливает руку губителя, посланника запредельного, который несёт неумолимую кару потустороннего дерзающим, но неспособным.

Похожие ноты звучат и в других художественных произведениях автора, помимо разворачивающегося процесса становления героев мы наблюдаем целую серию сюжетов, участниками которых становятся сами «сущности Бездны». В примитивно-коммунальных занятиях нашей привычной реальности автор обнаруживает зияющие дыры в потусторонность, сквозь которые Бездна буквально врывается в наш мир; многие его персонажи несут на себе этот крест, напоминая нам, что глубины сии неизмеримы. И в то же время в своём собственном отношении к этому мраку мы видим яркий луч ясного света, который дарит нам из глубин своей беспредельности вечно сущий Абсолют.

Сложное переплетение трёх лучей: России Вечной, Последней доктрины и художественного гения составляет основу самобытности и уникальности Юрия Мамлеева, утверждая его как классика современной философии и литературы.

* * *

Поэзия Юрия Мамлеева – для многих неожиданность, в этом жанре до сих пор мы видели лишь некоторые примеры, разбросанные тут и там как цитаты в рассказах и романах. В настоящем сборнике «Невиданная Быль» собраны стихи разных лет, в основной массе своей прежде не публиковавшиеся. Таким образом мы имеем ещё одну прекрасную возможность прикоснуться к миру автора в новом, непривычном для нас аспекте.

Возможно, от нас требуют признать, что для многих миры Мамлеева представляются мрачными и даже чудовищными. Пожалуй, это действительно так. И тем не менее образы этих стихов проникают в самую сердцевину души своей глубинной запредельностью, проступая из небытия сгустками иного мира, гротескного рода объективностями, обнажающими потусторонность некоторых вещей, которую стандартное сознание массового воспринимателя предпочитает тщательно фильтровать. Эти образы побуждают нас признавать существование некоторого отрицательно мотивированного пласта бытия, которую падкий до позитивизма повседневный разум старается всячески изолировать путём регулярного замалчивания и привычного игнорирования или даже более мощными средствами, вплоть до тотального, истового отрицания.

В то же время при погружении в вязкое пространство некоторых сюжетов автора основная, изначальная составляющая глубинной сути души человека – Высшее Я читателя – в определённый миг становится вынуждена воспринять и признать наличие иных сфер, тех, где

наши вождельные законы, в коих мы жаждем обрести стабильность и равновесие, теряют смысл перед неотвратимостью истинного положения вещей, перед необходимостью осваивать определённые новые понятия. Эти понятия, согласно Последней доктрине, способствуют становлению Высшего Я на различных стадиях его самореализации. Таким образом кажущийся мрак оборачивается своей полной противоположностью, из пугала превращаясь в необходимый этап очистительного процесса.

Стихи Мамлеева будоражат читателя своей изощрённостью. Диапазон тем широк: от мрачных глубин распадающегося бытия до светлых чертогов России Вечной. Типажи небывалые – упыри, всякая нежить, разного сорта ублюдки, но между ними вдруг обнаруживаем уверенных в себе адептов, умелых обитателей запредельного, пророков, провидцев, проводников. Они то бредят, то бредут, и всё это сопровождается хохотом, зычным, диковатым, залихватски-молодецким. А в потаённых кулуарах души отзываются на этот хохот неведомые нам самим тонкие струны, связующие нас с нашим Высшим Я.

* * *

«Невиданная Быль» – не просто сборник стихотворений, эта книга изначально была задумана как целостное литературно-художественное произведение. Вот что говорит об этом сам автор:

«Главная идея этой книги – единство прозы и поэзии, в то время как обычно эти две литературных формы противостоят друг другу.»

Это единство достигается тем, что, во-первых, стихи в этой книге написаны от имени героев при-ведённых здесь рассказов. Более того, сами эти герои в своем поэтическом творчестве иногда перевоплощаются таким образом, что создаётся впечатление, что их стихи написаны как бы разными людьми. В целом же каждый рассказ и приложенные к нему стихи по существу образуют единое произведение, некий синтез, именно поэтико-прозаическое произведение как таковое. Единственное исключение представляет образ Трепетова, главного героя романа «Московский гамбит», ибо тогда пришлось бы публиковать здесь целый роман. Отмечу, что вообще в моих романах всегда приводились соответствующие духу романа стихи. Подлинная разработка идеи поэтико-прозаического творчества как нового вида литературы ещё впереди. В этом единстве поэзия и проза не только должны дополнять друг друга, но и образовывать нечто новое в литературе.

Поскольку герои этих рассказов весьма различны по своей ментальности и духу, то довольно резко отличаются друг от друга и соответствующие циклы стихов».

Структуру сборника составляют пять групп произведений, в каждой из которых в поэтической форме раскрываются образы героев предпосланных стихам текстов. Три рассказа, один из которых публикуется впервые, роман «Московский гамбит», из которого для

данного сборника мы выбрали несколько начальных страниц, а также заключительная часть эссе о России чередуются тематическими подборками стихов. При этом в каждой части сохраняется общее единство героя рассказа или романа с лирическим «я» стихотворений этого раздела.

* * *

Первая часть сборника называется «Праздник». В этом рассказе речь как раз идёт о тетрадке со стихами, которая попадает к автору повествования при весьма странных обстоятельствах. Следующие за этим стихи как бы из этой самой тетрадки. Некоторые из них публиковались ранее как «Песни нездешних тварей», некоторые публикуются впервые.

«Стихи одного из героев рассказа «Праздник» Антона Смирнова посвящены путешествиям души по разным мирам и переживаниям, связанным с этими путешествиями, – рассказывает Юрий Мамлеев. – Здесь встречаются как описания жутких нездешних персонажей (например, стих «Я невинная тварь...»), так и стихи, пронизанные чисто метафизическим видением или тревогой. Всё это образует некий космос, в котором видится и духовное небо, и ад. Здесь присутствуют и неземная боль, и неземная радость – хотя бы радость познания».

В этих стихах читателю открываются крайне любопытные своей тотальной запредельностью образы иного бытия, можно даже сказать – антибытия. На этом

фоне наша земная жизнь покажется раем, счастьем, удачей. И в то же время внутреннее осознание бытия этих жутких областей мглы и мрака служит своего рода прививкой, значительно расширяет горизонт возможных вариантов существования.

Я не чёрная тварь, уязвлённая бредом Вселенной,
А живой полутруп, изнемогший в изгибах любви,
И мне надо подругу, что тихо стоит на коленях
Перед смертью своей и целует кошмары мои.

Герои подобного повествования самой своей сутью предполагают такой тип, способ натурализации, который лишён спасительного компромисса «обыкновенного», «человеческого» существования, и вместе с тем не оставляет надежды на собственное небытие. Обнажённая Бездна раскрывается нам в метафизических гранях этого голоса из ничто. Здесь нет жизни, мы наблюдаем лишь тени оторванного от вселенского бытия метафизического антимира. Они завораживают нас своим отвратительным безобразием, в своей безбытийности они умиляют нас потугами состязаться с Истинно Сущим, перед нами возникает образ мёртвого мира, населённого тем, чего нет, и вместе с тем мы можем явно ощутить это отсутствующее дыхание Бездны.

Зачем это? Проще и естественнее было бы просто изолировать саму возможность существования этих сфер. Однако, на каком-то глубоко интуитивном, интимном уровне мы обнаруживаем, что сама наша природа предполагает наличие, притом активное, этих порождений мрака. При трезвом взгляде на реальность

мы ощущаем насущную необходимость подобного контраста: раз уж существуют невообразимые, необозримые области Чистого Света, то, по всей вероятности, должна также иметься и их полная противоположность. Таким образом, при расширении диапазона собственного постижения онтологической полноты в поле нашего восприятия открывается весь спектр контрастов: чем больше света, тем больше мрака, и наоборот, а также плотная серая масса посередине.

При этом идея о бессмертии, привычно понимаемом в терминах метемпсихоза, как бесконечная череда перерождений в различных мирах и обстоятельствах, находит в этой лирике окончательное развенчание. Нездешние твари вещают нам о своих скитаниях, в которых нет и не может быть никакой перспективы, кроме стремления к окончательному, метафизическому самоуничтожению. Изжив все возможные формы бытия, эти сущности Бездны нигде не могут найти себе пристанища, невозможность вместить в себя и слиться с Творцом оставляет им одну единственную надежду – исчезнуть, полностью утратить всякую возможность самобытия. Но это не всегда удается, и круг бесконечных перерождений для них – мука, на которую они вечно обречены:

Надоела мне смена смертей бесконечных,
Надоело сиянье великих и чёрных пустот.
Я хотел бы в припадке, огромном и вечном,
Созерцать отрицанье заброшенных в бездну миров
И любить свою плоть, безобразно её же терзая,
Распыляя по звёздам погасшие трупы свои...

Творчество Юрия Мамлеева уникально среди прочих столь обычных для сегодняшнего мира произведений так называемой «чёрной» тематики именно тем, что в нём ясно ощущается необходимость и наличие Высшей Полноты, Абсолюта. Отталкиваясь от непроницаемой глубины, душа, Высшее Я обретает не просто надежду на избавление от мрака, но возможность сочетать в себе всё разнообразие, весь спектр всевозможных проявлений на пути окончательной самореализации. Страх перед смертью, столь обычный для современного человека, отступает перед ужасом возможного посмертного состояния безысходности, вера в Спасение ярко вспыхивает на фоне этой чудовищной перспективы тотального распада.

* * *

Следующая, вторая часть сборника «Невиданная Быль» посвящена Александру Трепетову.

«Стихи этого цикла написаны от имени Александра Трепетова, главного героя моего романа «Московский гамбит». Этот роман описывает судьбы художников, поэтов, богоискателей 60–70-х годов XX века, чему я был свидетелем. Иными словами, прототипы героев этого романа частенько собирались в моей квартире в Южинском переулке. Образ Трепетова концентрирует в себе те запредельные духовные искания, которые были характерны для главных адептов салона на Южинском. Стихи, представленные в этом цикле, отражают не столько эти искания, сколько общую настроенность главного героя романа».

О Южинском переулке сегодня часто говорят, но доподлинно обо всем об этом известно мало. В двух комнатах в коммуналке, где жил тогда Мамлеев, на протяжении почти десятилетия в недрах дремучего совка существовал мистический салон. В этом салоне собирались творческие силы России, художники и поэты; Южинский был центром исследования и овладения Традицией. Духовный поиск, который сущностно объединял главных участников этого салона, служил и для прочих приверженцев магнитом, эпицентром всего собрания. К этому периоду относятся ранние рассказы Юрия Мамлеева, которые читались на регулярных собраниях в салоне по четвергам, и, по сути, служили основным связующим элементом собраний. На каждом «заседании» Мамлеев читал что-нибудь новое из одной из своих многочисленных тетрадок, задавая таким образом определённый контекст всего процесса, на фоне которого разворачивались многочисленные невообразимые и удивительные события, лёгшие в основу, в частности, романа «Московский гамбит».

Проклятый высшими силами
Мир этот, чёрный как ночь,
Вновь приближается к гибели,
Чтобы себя превозмочь
И превратиться в сияние.
Слава ему и покой!

Напряжённый внутренний поиск, неудержимая тяга к запредельному, попытка вырваться из жестоких тисков реальности, достичь истинной свободы и осуществить метафизическую самореализацию — все эти темы

находят выражение в стихах данного раздела. Также звучат здесь ноты глубинной тоски, таинственной бездоленности, невыносимой духовной напряжённости, возникающей в итоге непрекращающегося дальнейшего проникновения и прозрения в тайны бытия и, главное, самобытия. Лирический герой этих стихов, вроде бы, лицо здешнее, земное, в то же время обладает способностью тонко чувствовать каждый момент происходящего во всей его изначальной взаимосвязи с корнем сущего, со всей его неотделимостью от первооснов, от Абсолюта. Некоторые стихи порою звучат как невообразимые пророчества, другие – как новости «с того света».

* * *

Третья часть сборника полностью посвящена теме России Вечной. В заключительной части эссе «Метафизический образ России», которая предваряет этот блок стихотворений, содержится эссенция данной темы. Юрий Мамлеев описывает свой опыт, свой творческий и жизненный путь, предшествовавший её обретению. Далее на фоне обобщений основной идеи, изложенной ранее в книге «Россия Вечная», автор делает некоторые глубинные выводы, раскрывающие метафизические аспекты бытия России как космической идеи.

«Русская идея выступает здесь как всеобъемлющее мировоззрение, выходящее за пределы земного мира», – пишет Мамлеев. Это уточнение как нельзя более точно отражает позицию лирического героя небольшого цикла стихов данного раздела под общим названием «Неотразимая сила». В некотором роде можно сказать, что эти

стихи написаны от лица Всеобщей Русской Души, которая (по крайней мере потенциально) живёт в каждом из нас. Согласно доктрине, нет необходимости быть обязательно «русским» для того, чтобы ощутить собственную причастность к России Вечной (история знает массу примеров, когда иностранцы становились пламенными соучастниками этой великой идеи):

И кто коснулся этой тайны,
Хранимый русскою душой,
Неотделим в своих исканьях
От запредельности родной.

Образ вневременной России, проявляющейся в этих стихах, крайне интенсивен. Горизонт её истоков широк: «Есть от духа, другое – от рек и полей». И в то же время каждый стих несёт на себе печать вневременности, интимной близости к величайшей тайне, постичь которую сознанием не представляется возможным не то что во всей полноте, но даже в малой степени. Между тем сам характер этой интимной близости настолько внутренне очевиден, что обретает объективность. Частички России Вечной падают в дольний мир душами людей, и вместе с ними приходит и активно прорастает на земле тайна, мистически сокровенная, но вместе с тем до предела проявленная.

Деревушка. Река. Раздолье.
Огонёк манящий вдали...
Это верная русская доля,
Бесконечный поток любви.

* * *

За сим следует четвёртая часть сборника, «Утопи мою голову». Этот рассказ относится к «пост-южинскому» периоду творчества Юрия Мамлеева, он написан автором в эмиграции, в США, в конце 1970-х годов. Герой рассказа – странноватый истерический тип псевдо-духовного искателя, неожиданно для себя попадающего в ситуацию реального мистического опыта. В отличие от персонажей предыдущих частей сборника, этот парень не слишком рвётся в запретное. Он представляет собою заурядное земное существо, которое в силу обстоятельств, в результате хитросплетений судьбы становится участником непонятного ему самому процесса смыкания миров, «этого» и «того». Трещина между мирами становится для лирического героя своего рода посвящением; в итоге он трансформируется в иное новое существо, но в то же время остаётся самим собой, со всем своим посконным бредком и нелепой неприкаянностью.

Кто украл мою голову в вечность,
Кто целует цветы по утрам,
Кто танцует в тоске бесконечной
На полях, в городах, по лесам?!

Это Хаос великий и страшный
Расползается, пляшет, визжит,
А у гроба таинственно-мрачный
Сверхпокойник в сияньи стоит.

Рассказ «Утопи мою голову» раскрывает перед нами ситуацию, в которой тайна небытия неким не-

объяснимым образом просачивается в нашу жизнь, овладевает нами. Активное присутствие Бездны в нашем мире, собственно само положение нашего мира на стыке Бездны и Абсолюта, делает нашу жизнь особенно насыщенной подобного рода вещами. Но совершенно различны позиции участников этого процесса: кто-то осознано стремится постичь и реализовать (Трепетов), кто-то находится уже и вовсе за гранью выбора («нездешние твари»), но в той же мере это влияние ощущают на себе и все прочие участники процесса под названием «жизнь на нашей планете», вроде героя этого рассказа. Почему, каким образом они становятся объектами воздействия потустороннего, и к чему это может их привести — все эти детали не столь существенны на фоне одного простого факта: никто из нас не изолирован от всего остального, высшего, низшего и прочего. И только на пути самореализации, в стремлении к своему Высшему Я можно обрести достаточно сил и юмора, чтобы как-то переварить, пережить всю оголтелость окружающего нас смертельного ужаса и при всём при этом быть и оставаться Собой.

* * *

Завершает сборник «Человек с лошадиным бегом». Это один из самых первых рассказов автора. В нём представлен тип героя полуюродивого-полубезумного, убого, который бродит по миру неприкаянный и не знает, куда ему податься. Некое внутреннее бухтение будоражит иногда его слепую душу, которая может при этом даже куда-то рваться, и ещё — какая-то простодушная

наивность скрашивают в остальном довольно гнусный и нелепый образ человека с лошадиным бегом.

Хохотун я и томный ублюдок,
Неприметно брожу по дворам.
Жду небесных, доверчивых уток,
Прилетевших от Господа к нам.

Лирический герой обнаруживается в ситуации изначально нездешней, пусть бы и откалиброванной в формат коммунальной реальности. Где-то между детской площадкой с песочницей и тихой кладбищенской умиротворенностью возникает из ниоткуда пивной ларёк, столик, замызганный и непотребно вонючий, и пухлый упырёк с красными глазками в засаленном пиджачке и потёртых штиблетах. Он как бы исповедует неизъяснимую превратность собственной судьбы другому такому же ублюдковатому типу с большущими ладонями и красной рожей, подливающему для убедительности в кружку первого порцию «тройного». Конечно, в наши дни всё это может выглядеть несколько иначе в деталях, но суть не меняется — за всем этим видится одна только ненужная пустота, тупая, гнетущая и беспощадная. И снова хохот, безумно оголтелый, широкопастный хохот раздаётся... А он опять выходит на улицу и бежит, просто бежит, потому что ничего больше не знает и знать не хочет...

* * *

Есть надежда, что настоящий сборник придётся по душе ценителям произведений Юрия Мамлеева. И без

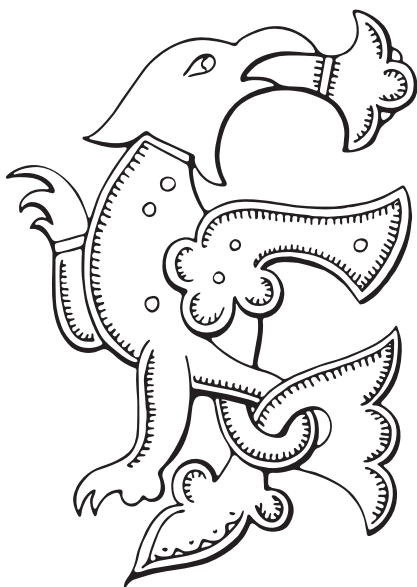
того богатый творческий актив писателя пополнился прекрасным образцом настоящего искусства, которого нынче очень немного. Что бы там ни говорили, сложно не согласиться, что теперь, в эпоху всеобщего беспредела и вседозволенности, на фоне безумного технологического прогресса и глобального духовного обнищания, материал настоящего сборника позволяет сделать любопытные выводы, расставить меткие акценты в канве происходящего и предстоящего. Прочтение, а лучше сказать, взаимодействие с этим материалом — это не просто забава или любовь к искусству; это может стать опытом, переживанием, открывающим читателю глубины его собственного Высшего Я.

Тимофей Решетов

I

Ч А С Т Ь

ПРАЗДНИК. РАССКАЗ

Век шел тяжёлый, двадцать первый, его самое начало. И неизвестно ещё было, следующее, двадцать второе столетие будет полегче или наоборот, потяжелее.

Алексей Забелин, совершенно забитое жизнью существо, лет 28, абсолютно не знал, что ему делать на этом свете. Не то, чтобы он был совсем плох, нет, соседи его по дому, расположенному где-то на окраине Москвы, жили ещё хуже. И безвылазно. Нет, скорее, к общей бедности, на него рушились периодически неудачи и кризисы. Жил он в полуубогой однокомнатной квартирке с женой Верой. Родители жили далеко, собственно, жил только один отец Георгий Александрович, запойный пьяница, хотя интеллигент. Мать Антонина Семёновна год назад умерла. Алексей отца не понимал, но мать очень любил, безмерно даже.

Работал Забелин в одном журнале, что-то редактировал, где-то подрабатывал, и пытался, конечно, всеми силами устроить мать, раковую, в больницу. Хлопотал, хлопотал, но она попала туда, куда и врагу не пожелаешь. Операцию ей сделали бредово, и она, страдая, ушла из этого мира. Алексей успел, однако, привести к больной священника. Её причастили. Но врачи встретили такое действие с усмешкой. Лечащий

врач Антонины Семёновны так и сказал, слегка выпивши, в лицо Забелину:

– Что вы дурью занимаетесь, молодой человек? Всё, чем была ваша мать, было у неё в мозгу, как у всех. Мозгу каюк, значит, и ей конец на веки вечные. Лучше бы деньги зарабатывали, молодой человек...

С деньгами у Забелина было действительно всегда плохо, как и у врача с его убеждением, что сознание и ум – продукты его любимого мозга. Кроме мозга врач ни в чем не был убеждён.

А у Забелина другое: чуть-чуть расцветал потихоньку с денежками, бац – и неудачи, то расходы, то счета, то болезни. А тут ещё, вслед за смертью матушки, Верушка, жена его, хотела родить, но, из-за горизонтов бедности, отказалась и сделала аборт. А Забелин хотел ребенка.

«Пусть бы пожил немного, – думалось ему, – хоть на немного, но белый свет бы повидал, глазки приоткрыл бы с испугу».

В смысле «карьеры» было тоже худо. Забелин пытался что-то писать, и хотя он был знаток литературы, но с творчеством у него ничего не выходило. Некоторые, наоборот, считали, что у него всё вышло, но публиковать это было невозможно. Большинство же ссылалось на отсутствие таланта.

Верочка особенно на жизнь не обижалась. Глядя вокруг широко открытыми глазами, приходя в ужас, считала, что они с Алёшей живут неплохо. Она полагала, что их жизнь, по существу, праздник, если сравнивать...

Отменной отрадой для них была старая дача, расположенная в посёлке в 90 километрах от Москвы. Забелин

приезжал туда погостить сам с собой, потому что дача была пуста, а Верочка не очень её любила и не всегда приезжала туда вместе с мужем. Не любила она эту дачу и крохотный участок вокруг неё за убожество. Другим неудобством были уголовники. Собственно, на эту дачу заглядывали не столько уголовники, сколько вообще Бог знает кто. Ибо взять там было нечего, не считая книг.

На даче была одна довольно внушительная по размерам комната на первом этаже (второй этаж тоже был слегка обитаем). Именно в неё, в эту комнату, заглядывали двое мужиков – отдыхать. Один называл себя Средой, другой – Четвёртым. Были они поросшие, явно вороватые, но как-то дико и не по правилам, среднего возраста, и вообще чуть-чуть загадочные, но в нелепом смысле этого слова. Хотя, как отметил Забелин, не без денег. Относились они к хозяину доброжелательно, но Алексей мрачно тяготился их присутствием.

Последний раз они посетили дачу, чтоб отдохнуть, две недели назад, в мае месяце, когда Забелин приехал туда на денёк, чтобы тоже отдохнуть. Мужики приходили ночью и обычно будили хозяина, чтобы поговорить о том о сем.

Произошло такое и на этот раз. Алексей, недовольный, поплелся к ним в «залу», так он называл большую комнату на первом этаже. Среда и Четвёртый сидели на полу. На полу же, на полотенцах, водка, хлеб, колбаса такого вида и качества, о котором Забелин и представления не имел. Одним словом, высший-превысший сорт.

– Садись с нами, Лёша, – миролюбиво сказал Четвёртый. – Выпьем с горя.

– С какого горя?

– Да позавчера в Подольске резня была. Братки троих зарезали мужиков и двух баб. Мы тут ни при чём. Мы мокроты отродясь боимся. Из мокрого мы признаём только водку, а на счет крови мы лично ни-ни. Не обожаем. Не то, что иные... Таких хлебом и водкой не корми, лишь бы пошлать на счёт крови... Садись, не бойся, мы люди тихие.

Забелин прилёт, отказываться было опасно. Четвёртый запел.

Забелину и в голову не приходило когда-либо сообщать о мужиках этих в милицию – знал, будет хуже, тем более мужики предупреждали. Не навязчиво, но ясно и убедительно.

Забелин сам тогда стал петь, точнее – подпевать. Четвёртый пел о Таганской тюрьме, о тоске, а потом – как один вор зарезал мальчика и после переживал. Вообще о смерти они много пели. Пели об этом ласково, с любовью, но с большим недоумением покачивая головой.

Среда был более практичен. Когда кончил петь про смерть, он вдруг посоветовал Забелину:

– Алёшка, ты не вздумай, чтоб из нищеты вылезти, бизнесом каким-нибудь заняться. Убьют. Ты ведь у нас мягкосердечный, а тут волком надо быть, хищником. К обычному воровству, к обману ты тоже не способен. Так что живи себе тихо, пока жив. А то ещё война мировая или катастрофы сумасшедшие будут. Сиди уж, не высовывайся, мой тебе совет. С голоду не сдохнешь, будешь жевать чего-нибудь искусственное, химическое. Смирись, человек, как говорят некоторые. Я слышал эту

фразу от учёного одного, которого мы обокрали... А ты сиди, если совсем плохо будет для вас, интеллигентов, мы тебя прокормим. Мы люди жалостливые.

Четвёртый задумчиво кивнул головой.

– Продолжим бухать, – промолвил Среда.

Алексей, бухнув, осмелел и спросил:

– А по тюрьмам-то таскались, ребята?

Вопрос встретили благосклонно.

– Среда не попадался, а я был, – ответил Четвёртый и неожиданно присовокупил:

– Меня на зоне трахали в ж.. Ещё требовали, чтоб мыл. Но я человек по этому делу спокойный. Чёрт с ними, на тот свет ж.. не возьмешь.

Забелин почувствовал себя неловко. Среда ободрил его – мол, не бойся. Потом он вздохнул и бухнул, жестом приглашая других.

– Я не в понятии насчет фраеров, граждан, то есть. Бегают, мучаются, работают не то что как лошади – как слоны, и всегда у них денег не хватает. Это что, жизнь? Мы жизнь понимаем свободно, и работать, как рабы какие-то, не будем. А жрать-то надо? А бухать надо? Поэтому мы всегда, когда надо, при деле... «Деньги – грязь, но без них никуда...» – так поётся в нашей песне.

Четвёртый вздохнул.

– Мы на мир не обижаемся. Грязь – так грязь. Какой есть. Жить-то хочется.

И он почесал свою спину.

– За что ж вы меня пригрели? – спросил Алексей.

– Надо ж кого-то пригреть, – ответил Среда. – Мы тоже люди, как все, как везде в этом мире.

Четвёртый задумчиво посмотрел в окно на звезды и сплюнул. Ночь эта закончилась тогда удивительно мирно, покоем, все трое расплзлись спать.

Утром посетителей как сдуло.

Алексей, приехав в Москву, о бухании этом никому не рассказал, чтоб не пугать. Но за столом нагрывавшему на ужин отцу Веры пожаловался:

– Куда мы идём?

Отец Веры, Николай Николаевич, вспыхнул, в глазу зажёгся профессорский огонёк, и он завыл:

– Туда, куда идёт всё человечество, то есть в ж... Искусство, литература в их нормальном проявлении будут запрещены в этом человечестве или просто незаметно оттеснены совсем на задворки. Религия окарикатурена, духовное начало подавлено. Единственно, что остаётся – страсть к наживе, и она будет торжествовать и править. Человеческих ценностей не будет. Население уменьшится, власть у ожиревшего меньшинства. Это будет называться демократией. Еды для народа будет много, но есть её будет нельзя...

В ответ Алексей сам вспылал:

– Ну, знаете, Николай Николаевич, я вас уважаю, конечно, но нельзя быть таким пессимистом. Человек – это не скотина в конце концов, и не робот, каким его хотят сделать. Истинная человеческая природа возьмёт своё. Вы по длительному расчёту ошибаетесь, а может и по ближайшему...

– Ух, ух, даже губы у вас дрожат, – засмеялся Николай Николаевич. – Да не переживайте вы за всю эту сволочь...

Тут уж Алексей не выдержал и произошла ссора.

На следующий день случился скандал покрупнее. У Забелиных убили родственника, пусть и дальнего, а ЖКХ, которая распорядилась домами в микрорайоне, где жил Николай Николаевич, совершила такой наглый подлог, разослав немислимые счета жильцам – такие, что никто глазам своим не верил. А один из обитателей этого микрорайона решил, что у него начались глюки. Но уверяли, что всё по закону, даже глюки.

В конце концов после всех этих передеряг Забелин вспомнил, что у него в перспективе свободный день, и решил перед выходными опять съездить на дачу. Вера ехать наотрез отказалась.

Добирался он до дачи с трудом. А по дороге к ней, уже на подходе, два раза споткнулся. «И ноги уже туда не носят», – с опаской подумал Алексей.

Но добрался. Природа уже склонялась к ночным таинствам, и Алексей, несколько бессмысленно осмотрев дом, не нашел ничего лучшего, чем лечь спать и заснуть. Сны ему снились тоже как будто бессмысленные, но тревожные. «Одна бормотуха», – сказал он сам себе во сне.

Но где-то в середине торжествующей ночи он проснулся, уловив шум в «зале», в большой комнате. Тогда он действительно проснулся, быстро возвратясь к нормальному своему состоянию. «Да, опять братки мои несносные пришли, – подумал он. – Сколько можно! Терпишь, терпишь и терпишь...»

Охая, он поплёлся в залу. Увидел сквозь щели, что там свет, и не удивился. «Пришли», – бормотнул в уме.

Открыл дверь, и картина, которую он увидел, заставила его онеметь. За столом на длинной скамейке рядом сидело четыре человека, но ничего, похожего на прежних, в них не было. Это были другие. Вся комната почему-то светилась, как будто света стало больше. Да и лица людей, обращённые к нему, были светящимися, во всяком случае в них не проявлялось никакого зла.

Алексей стоял оторопев, не зная, что сказать. Он только вглядывался в лица, и вдруг понял, что перед ним не совсем люди. Сердце его ёкнуло. Он остолбенел. Стало жутко от того, что такое может быть. Но всё это происходило на самом деле. Ему бросился в глаза один из четвёртых, и Алексей, словно подчинённый чьей-то воле, назвал его: Свет. Перевёл глаза на другого, и как будто механически назвал его – Тот. Посмотрел на третьего, и в сознании пронеслось – Рокуд. Однако, как чувствовал Забелин, они были не совсем люди, что-то в них было не от этого мира. Но четвёртый, и это с какой-то метафизической убедительностью ощутил Алексей, был явно человеком, молодым человеком лет 26.

На Забелина практически не обратили внимания.

Наконец тот, кто явно был человеком, подошёл к Алексею и мягкосердечно сказал:

– Не смущайтесь. У нас праздник. Утром мы уйдём.

Алексей так же по-доброму, но уже с сумасшедшинкой, заглянул в глаза к подошедшему и спросил:

– А я?

В ответ расцвела улыбка.

– Как хотите. Вы нам не мешаете. Можете присутствовать здесь. Всё равно наш праздник таков, что вы его не увидите.

Алексей впился глазами в тех троих, сидевших за столом. На столе ничего не было, пусто, как будто праздник происходил в пустоте. Трое молчали, но аура, исходящая от них, заполняла всю комнату. Однако было различие. От одного из них исходило нечто светящееся, видимо то был свет его духовного сознания, его таинственного Я. От другого тоже исходил Свет, но Тьма одновременно, как будто его духовная вертикаль шла высоко вверх, но и опускалась глубоко вниз. Третий точно оставался погруженным в какую-то бездну, относительно которой у человека, видимо, не было возможности что-либо выразить, кроме ужаса. При этом никакого ужаса, угрозы и зла от этой бездны, от её ауры, не исходило.

Всё это весьма тонко почувствовал Алексей, но эта тонкость не избавляла его от оцепенения, даже ступора.

Никакой вражды вокруг не существовало. Существовало только то, что казалось непостижимым.

Молодой человек пожал руку Алексею.

– Да вы идите-ка поспать. Баю-баюшки-баю. Поспать.

Алексей монотонно вышел за дверь. Но поспать не пошел, а выбежал во двор, ибо оцепенение прошло.

Он бегал по своему двору в подлинном трансе. И ругался про себя чуть ли не матом. И внушал сам себе:

– До каких пор это будет. Конечно, забор дырявый, двери рассыпчатые, дача бедная, на отшибе, кому хошь

заходи... Но заходят-то существа... То даже уголовнички, с психологией плаксивых людоедов... То, наоборот, зашли сейчас эти... Да пусть они и ангелы небесные, но мне-то что... Я покоя хочу, я замучился, как накормить жену и себя...

И он, с легким матерком, зашел в свою комнату спать. Лег от тоски не раздетый на кровать и вдруг чувство бесконечной радости охватило его. Благодаря присутствию этих людей, от них он предельно ясно увидел, что есть иная вечная благодатная бездонная жизнь, в которой нет и следа этой жалкой земной жизни с её борьбой за существование, с тупостью и мелочностью, в погоне за тем, что не имеет никакого значения и смысла. Пусть и там какие-то бездны, нечто непостижимое, но там нет этого звериного убожества земной жизни с его дворцами и хижинами, и вековым боем и воём.

В это время в дверь постучали.

– Войдите, – спокойно сказал Алексей.

Вошел тот молодой человек.

– Разрешите всё-таки представиться, – сказал он. – Как вы поняли, я человек, русский, и меня зовут просто: Андрей Градов.

– Садитесь рядом на табурет, – также спокойно, но с интересом предложил Алексей.

Градов принял приглашение. Оба вздохнули. Минут пять прошло в молчании.

Наконец, Андрей заговорил:

– Вы, конечно, спросите, кто они. Естественно. Но я сам точно не знаю этого. Я всего лишь их ученик. Я родился в очень богатой семье, разбогатевшей

после перестройки. Но вся эта жизнь мне опротивела до тошноты. Я мог, конечно, удрать, но там везде то же самое. Те же цели, те же интересы, та же псевдожизнь. От перемены мест ничего не меняется. Везде одно и то же. Богатый, бедный, свободный, занятый – всё равно. Всюду зависимость от телесного существования, тюрьма, кали-юга, эпоха падения, мрак повседневности...

Алексей напряжённо слушал. «Когда же он скажет о них?» – думал он.

Незнакомец продолжал:

– Мать моя умерла. Отцу самому осточертела эта роботоподобная жизнь. Но деньги текли к нему ручьём, падали ни с того ни с сего, и он не мог оторваться... Коротче, для меня изменилось всё, когда я встретил их...

– Вот-вот... Кто же они? Вы ведь их ученик...

– Откуда они пришли, я не знаю...

– На каком языке они говорят?

– На любом, в зависимости от того, какой нужен... Они владеют, вероятно, праязыком или просто тайной происхождения языков. Конечно, они обладают определёнными так называемыми сверхъестественными способностями... Но это мелочи. Главное – они путешественники по невидимым мирам.

– Каким?

– Тем, которые лежат за пределами нашего физического мира и о существовании которых говорится в разных духовных и религиозных традициях. Поэтому на них лежит печать бесконечности...

– Как они этого достигают, переходя из одного мира в другой?

– Эти методы были частью древних тайных наук и практиковались в те далёкие времена, особенно в Индии. Главный принцип перехода – перенос сознания. Но надо знать, куда направить луч. Представления об этих мирах, кстати, можно получить путём сосредоточенной глубинной медитации, если есть способность к таковой.

– Теперь понятно, – хмуро ответил Алексей. – Пусть погостят у меня сколько им нужно.

– Они знали, к кому пришли, и что вы их примите...

– А что вы о себе скажете?

– Это другой разговор, не буду... Но чувство освобождения от этой тюрьмы превращает жизнь в невысказанную радость...

– Великий поэт сказал: «Меня раздавит эта вечность!..»

– Да, там есть то, что может внушать ужас, нечто как будто непостижимое, невыразимое... Но радость неуничтожимости побеждает всё... И тогда на этот земной мир вы уже смотрите другими глазами. Он уже не грязная яма, в нем тоже есть и обнаруживается нечто действительно великое...

– Хороший конец... Но я-то при чем? Зачем вы ко мне пришли сейчас?

– Я просто поставил точки над «и»... Но не только...

И Андрей вынул из внутреннего кармана пиджака тетрадку.

– Вот. Это мои стихи. Здесь я кое-что описал и кое-что выразил из числа моих переживаний. И медитаций. Можете, даже, опубликовать, если захотите...

Алексей молча принял тетрадь. И вдруг взял руку Андрея и, повинуясь какому-то огромному предчувствию, пожал её.

...Градов вышел.

«Ушёл праздновать», – подумал Алексей.

Когда утром он вошёл в зал, в большую комнату, там никого не было.

СТИХИ ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНИ НЕЗДЕШНИХ ТВАРЕЙ»

Я невинная тварь, кто детей пожирает в тумане.
Сумасшедших ночей предо мною горит горизонт.
Что увижу я в мире, наполненном чёрным обманом,
Где горящие храмы похожи на сказочный сон?!
Мои губы полны ненасытной жаждой тревоги.
Вижу троны пустые, погибших в аду королей,
Что мне ужас разбитой по трупам младенцев дороги,
Что мне стон и надежды покинутых Богом людей?!
Я одна во Вселенной. Ни Бог, ни титан и ни дьявол
Не нарушит покоя и страха страданий моих.
Только кто-то огромный, больной, невозможно усталый
Пронесётся по полю, как духов блуждающих вихрь.
Я хочу целовать обнажённые груди распада,
По-кликушески выть, наблюдая погибель земли,
И пройтись в тишине среди распухшего, спелого ада,
Где в червей превращаются дальние дети мои.
А потом, обернувшись загадочной странной звездой,
Улететь в безграничную синюю пропасть миров,
Чтоб потом хохотать над погибшей и дымной землёю,
Пожирая холодное мясо своих бесконечных утроб.

Надоела мне смена смертей бесконечных,
Надоело сиянье великих и чёрных пустот.
Я хотел бы в припадке, огромном и вечном,
Созерцать отрицанье брошенных в бездну миров
И любить свою плоть, безобразно её же терзая,
Распыляя по звёздам погасшие трупы свои,
И жалеть вдруг котёнка, кто тихо прижался у зала,
Где сверкают по-волчьи вселенских вампиров зрачки.
Я устал от сияния дикого, сонного мрака.
Голоса всех богов, умирающих в мерзкой мольбе,
Затихая, становятся воем собаки,
Голова у которой – цветок на далёкой луне.

Так зачем мне высокое счастье огромных, как Солнце?!
Милосердие Будды прожгло мне до крови глаза.
Только лучше тихонько увидеть за тайным оконцем
То творенье, что Бог не создаст никогда.

Будешь в небо скакать? Будешь плакать над сыном?
Неужели не помнишь – когда-то была ты кентавр!
Разве то, что пророчили – все позабыли?
Ты уходишь в тот мир, где и старец не стар,
Где забытая мудрость покоится в склепе,
Где, как юноша, юн и вампир и удав.
Спрятан в горы, над морем, больным и нелепым,
Древний идол, источник смертей и удач.
Так иди же, иди! С истерическим зубом,
Пятиглазою тварью ты выйдешь на свет
В мир, где кажется радужным богом ублюдок,
И на манию смерти найдётся холодный ответ.
Позабудешь себя в этом золоте бурного мрака
И не вспомнишь кентавров, игривых как сон.
Но тебя я люблю до последнего знака,
Когда мир этот рухнет, как свадебный стол.

Я хочу жить и жить в бесконечном раздолье тумана,
Целовать изощрённое чёрное жало змеи.
У меня нет сестёр, никого, лишь одни ураганы.
Я родился в бредовых сплетениях лунной зимы.
Почему я застыл в искажённой от счастья улыбке?!
И пугаются звёзды моих выпадающих глаз..
Раскрываются пыльные старые свитки,
Где написаны древние тайны о нас.
Ну и что? Средь раздолья миров бесконечных
Буду падать, стонать и по-прежнему жить.
Но из синей, глубокой, покинутой Вечности
Кто-то тихо идёт, видно хочет завывать.
Пожелай мне, исчадие Чёрного Света,
Проходить без тревоги твоих полуснов города.
Я хочу жить и жить на забытой богами планете,
Чтобы видеть чудовищ, отброшенных в мрак навсегда.

Я двуногая тварь, истребившая душу в виденьях.
Был я тигром, слоном, уходил я под землю кротом,
И об этом я помню в своих огневых озареньях –
Был аналогом этих зверей, с непохожим
на Солнце лицом!

Где устойчивость в мире кошмара? Где правда?
Кто убьёт меня в следующий раз, после сна и любви,
И, целуя мой труп, вдруг тихонько расплачется в травы?
И душа моя будет скорбеть, вспоминая одежды свои.

Любо идти по широкой и вольной дороге,
Любо смотреть мне блуждающим духам в глаза.
Бедные твари хотят ведь от жизни немного:
То, что оставит им точная Смерти коса.

Красное солнце, спускаясь, мне шлёт свои знаки.
Старенький бес заунывно в картошке поёт.
Пахнет ромашкой. За озером брешет собака,
И невидимкою в небе плывёт самолёт.

Всё же пора мне сложить свои шкуры у леса.
И, управляя сознанием вечным своим,
Перенестись от грехов, от ромашек и воющих бесов
В дальние сферы, доступные силам иным.

Кто бы съел меня в чёрном растленном тумане?!
Далеко за околицей заревом видится глаз!
Ведьма моется рядом в заброшенной маленькой бане.
Видно, боги давно позабыли о нас.

Кто бы съел меня! Нежною тихою дымкой,
Оставляя в пространстве кровавый бессмысленный след,
Я уйду недотрогой, простой невидимкой,
К тем, кто душу мою принимает за Свет.

Пусть я кошка. Но был я брамином
И упал, словно хохот, среди снов и снегов.
Пощади меня, нежный, бессмертный и милый,
Ты же соткан из белого камня и смерти богов.
Я люблю этот холод и смрад привидений.
Я ведь знаю: ушёл я навеки в другие миры,
Где голодный кошмар мутно-жёлтых видений
Обнимает, ласкает, и падают прошлые сны.
Кто ответит за боль и страдания тварей,
Кто погасит кошмар во Вселенной безумных зрачках?
Я люблю тебя больше божественных тихих созданий.
Ты – не смерть. Ты – не стон. И ты даже не страх.
Помоги же мне, Боже, премудрый и сильный,
Распознать в каждом рае таинственный ад,
Чтоб во мраке, во свете, в тумане могильном
Не увидеть свой медленный жуткий распад.

Хохочу я как труп из могилы,
Я – невеста забытых богов.
Скоро выйдет из мрака мой милый
И найдёт мой бессмысленный кров.
Отравили мне жизнь полутрупы,
Птицы крови из каменных стран.
Мне осталось безумно и тупо
Пить в могиле холодный дурман.
Тот дурман, что ползёт с подземелий,
Что грубее, чем чёрная нефть,
Только трупы, в жару холодея,
Пьют его как последнюю весть.
Но придёт мой живой избавитель,
Бог исчезнувших в бездне миров,
Мой невиданный маг и целитель,
И я сразу восстану на зов.
Появлюсь на кошмарных планетах.
Буду плакать, играть и стонать.
И пугающим лающим смехом
Раны смерти в себе врачевать.

Там раскинулись крыльями ворона сети
Полутрупов огромных и чёрных как дым.
Пусть целуют меня непостижные, дикие дети,
Всё равно я останусь на свете, как мрак, нелюдим.
Только тварей, кто воев в глубокой, безвестной могиле,
Я так странно люблю и целую крысиный их рот.
Кто мне даст ненасытные, мощные силы,
Чтобы знать, когда кончится время и страх мой замрёт?
И не будем скитаться по тайным далёким планетам,
Хохотать у могилы красивых, беспечных богов...
Да, я умер. Но, верный последним заветам,
Я плюю в бесшабашные хари космических снов!

Я – угрюмый тяжёлый работник,
Рою в ужасе к Солнцу проход.
Вижу облик свой, нежный и кроткий,
Рядом с ним – неживой идиот.

Я прорежу отверстие в сердце,
Буду в око Вселенной смотреть.
Идиот мой, таинственно-мерзкий,
Перестанет вздыхать и смердеть.

Кто мне скажет тогда, что я смертен?
Что я мрачен, безумен и сир,
Что несёт меня бешеный ветер
И хохочет над жизнью упырь?

Распластались безумные очи
Тихих призраков, тонущих в мгле.
Полумраком бредёт одиночество
И фантомы рыгают во сне.
Тайный ужас погибшего мира
Выступает на камнях веков.
Полумёртвые лярвы застыли,
Ожидая триумф катастроф.
Воет страхами глубь океанов
И глаза небоскрёбов видны,
Не поможет им злоба обманов,
Шелест денег, печать Сатаны.
Одержимые твари из ложа
Видят мрак преступлений своих.
На экранах захрюкали рожи
Отравителей душ и шутих.
Всё глубиннее холод возмездья,
Кровью бредит убийцы рука,
И наточено острое лезвие,
И сверкают глаза паука.

Хиросимские знаки всё ближе,
Но страшнее их магия зла,
Примирающий хохот гориллы,
Лабиринт порождённого сна.
Точно в русской укромной избушке
Знает девушка, в тайне, без слов,
Что конец сего мира – не ужас,
А спасенье от страшных оков!

Под неведомым ужасом ночи
Лишь сознание глуби живёт.
В потаённой пещере хохочет,
Гложет кости свои живоглот.
Боже, Боже, в глазницах у мира
Мракобесие тайно цветёт..
Кто сожрёт своё сердце на пире
Этой жизни – и вытрет свой рот,
Окровавленный собственной кровью
И от страха сойдёт ли с ума?
Иль один с затухающей болью
Переидёт, словно тень, в зеркала,
И начнётся безумная пляска
В жизни странной, без плоти, без слёз,
До тех пор, как последняя маска
Будет сброшена в дьявольский рот.

Хе-хе-хе, я не умер в тот вечер,
Но пора перейти в облака,
Изощрённо надеясь на встречу
С прошлой жизнью своей, ха-ха-ха.
И увижу мой труп полусиний
И младенца живого – себя!
Здравствуй, глупой мой, жирный и милый,
Не узнал? С того света ведь «я»
Или «ты». Называй как ты хочешь,
Помочи полусны, обливаясь слюной,
Но душа твоя, милый, измучена очень
Синим трупом, младенцем и просто судьбой.
Но сияние есть, но его мы не знаем,
Улыбнись, дорогой, и себя не лобзай.
Тишина за окном как в вечернем трамвае.
Спи, младенец... Ты умер давно... Баю-бай!

Подарил бы мне мир огневую подругу,
Познакомил поближе, и я бы ласкал
Её жгучее тело и нежную душу,
Её рта непонятно-жестокий оскал.
Напоила бы бредом меня бесконечность,
Марсианским изгибом ответных чудовищных ласк,
Чтоб завыли в аду истеричные дикие черти,
Ненавидя, завидуя, пели бы песни про нас.
И тогда в зеркалах, что развешаны негой нарцисса,
Мы увидим себя в окружении страшных богов
И, сливаясь в огромную чёрную птицу,
Мы созреем, чтоб стать андрогином великих миров.

Я смотрю на тебя в изумлении.
Вижу глаз твоих бездну и мрак,
И таинственный голос прозрений
Мной владеет. И падает страх...
Страх, который исходит из мира
От мерцания бездны в глазах,
От предчувствия смерти и краха
И сияния бреда во снах.
Но презрение выше кошмара,
Вижу отблеск далёких миров,
И гармония высшего ада
Создаёт небывалый покров.
И сознание вечности выше
Фантастической пляски богов.
Голос смерти становится тише,
И душа обретает свой кров.

Я люблю этот мир, одинокий, немного кровавый,
Весь в безумье, блаженстве, во сне бытия.
Но сегодня приснился мне труп в озарении славы,
И в короне его ликовала живая змея.
Видно, слава бродила в туманных преддвериях ада
И могла осенять недотыкомку, призрак и прах.
Так в забытых проулках недвижимого мёртвого сада
Возникает порою пришедший из мрака монах.

Я не чёрная тварь, уязвлённая бредом Вселенной,
А живой полутруп, изнемогший в изгибах любви,
И мне надо подругу, что тихо стоит на коленях
Перед смертью своей и целует кошмары мои.
Мне недолго скитаться и выть над погибшей подругой,
Целовать в иступленье раскрытый покойницы рот...
Занесёт меня мёртвая тайная звёздная выюга,
Что приходит неожиданно из дальних миров.

Одинокий беспомощный мальчик-ублюдок,
Ты теперь как ромашка, цветочек во рту,
А ведь был ты чудовище, скрытое в чуде,
Неужели не помнишь – про вещи сны, про судьбу?
Впрочем, столько невидимых лет миновало!
Где скитался ты, нежный, где правду искал?
Что ты видел: подземных друзей, говорящие скалы,
Неожиданных духов ночной и безумный оскал?
Или просто спускался в преддверие ада,
А потом, выбираясь, с титанами яростно жил...
А теперь успокоился... Видишь, гуляем по саду...
Слабоумный, родной, ты о всём позабыл!..

Как понять этот чёрный рассвет,
Где нет солнца, лучей и покоя?
Как понять, что я умер во сне,
Но стою у обрыва, над вечной рекою?
Что мне делать теперь в этом мире другом,
Где и реки и звезды иные,
Где оборвана связь с человеческим умом,
В душу смотрят глаза огневые?
Да, я умер, но умер ли мир предо мной?
Вдруг мне слышатся песни родные.
Не обман ли всё это, не сам ли с собой
Бредит ветер и хохот постылый?
Всё как было. И всё совершенно не так.
Есть деревья вокруг, но они не живые,
А живой здесь – огромный чудовищный мрак
В доме том, где глаза огневые.
Ничего не понять, кроме сна бытия,
Кроме Брахмана где-то за миром,
И стою очарованный смертию я,
Торжеством иллюзорного пира.

Где мой труп, обратившийся в дивные снежные розы?
Но невидимый брат его бродит один по планетам и снам.
Пожиратель застыл. Не готов я к угрозам,
Исходящим из Бездны, неведомой нам.
Только трупы растут, как цветы, размножаясь,
И душа в них поёт, озирая заманчивый мир,
И одежда её синевато в гробы ниспадает...
Для подземных чертей – неплохой в их глуши сувенир!
Но закончится мир. Я пожму их мохнатые руки
И скажу: я устал вас кормить, дорогие мои.
Развлекайтесь другим! Не пеняйте на грусть и разлуки,
Хохочите над Богом, покуда не сгнили в ночи!
И пойду я невиданной дикой дорогой,
Умертвляя себя, раздирая глаза и целуя плевки,
Чтобы падали звёзды, сведённые в ужас свободой,
И во мне не осталось ни плоти, ни вечной души.
И тогда Пожиратель откроет бездонную Пропась,
Пронесётся в пространстве великое слово: «Пора!»
Самый нежный цветок потеряет свою
бесконечную кротость,
Заглядевшись в бездонность, где зреет
Сходящая с неба Дыра.

В этот вечер таинственно-чёрный
Мы бредем, словно тени в лесу,
И медведь непонятно-огромный
Дико воет в медовом бреду.
Заманили нас чёрные ели,
Девки ночи из пьяного сна,
И у пней одиноко хохочут
Те, кто пели над мёртвым вчера.
Заманили нас запахом странным,
Из деревьев гнилых и болот
Веет тьмой небывало-отрадной,
И богиней становится крот.
Превращаются тени в монады
И колеблется ум у меня.
Мир становится призраком ада,
Но взамен – вижу блеск Бытия!
Всё погибло и всё существует!
Слышу вой на далёкой Луне,
Моё сердце, как море, ликует,
И я знаю, что Бездна – во мне!

Ты ушёл от меня, мой таинственный мальчик,
Запутался в далёких мирах,
Но откроется в звёздах невидимый старче –
И услышишь мой голос впотьмах.
Голос тот, что зовёт тебя в Бездну,
Кинуть мир и о всём позабыть
Приглашаю, мой тихий, нездешний и верный –
Не исчезнуть, а просто не быть.

Мы бредём по заросшему лесу,
Тишина и тревога застыли и ждут.
Не визжат здесь угрюмые бесы,
Далеко от нас адский уют.
Только слышно, что кто-то хохочет,
Превращается в крысу Луна.
Кто там в шелестах леса пророчит,
Что Земля наша сходит с ума?!
Но раскроются стены пространства,
Непонятные глянут глаза,
Не закончатся дикие странствия,
Не затихнут вверху небеса.
И увидим не лес, не деревья вокруг,
А холодные трупы погибших медуз.

Запредельное дышит в бессмысленном
проклятом мире,
Но люблю я его, и не проклят он вовсе, а свят.
Только я весь больной, полужив, истерично-игривый,
Понесу на коленях к себе мой таинственный клад,
Заживу, растоплю поутру бесконечно широкую печку,
Закричу на весь лес, что в снегу и безумье стоит,
И открою свой глаз на кошмарно-бессмертную Вечность.
Запредельное входит в меня, и мой разум молчит.

Всюду тьма как в бездонной берлоге,
Чую влажные трупы вокруг,
Но я тихо восстану из гроба,
Оглянусь и завою от мук.

И пронзительный вой из утробы
Переидёт вдруг в немыслимый свет,
И глаза у священной коровы
Потеплеют на тысячу лет.

И влекомый немыслимым светом,
Превращаясь в танцующий дух,
Я забуду, что был я поэтом
И мой труп от мучений распух.

Равносильный и Мраку и Свету,
Океану, который нельзя описать,
Позабуду о Боге, мирах и планетах,
И Вселенной, как трупом, я буду играть.

Время шататься по дальним планетам прошло.
Тихо стою и пою бесшабашные песни.
Сам я не знаю, куда мне теперь перейти... Зло
Начинает опять подносить свои жуткие вести.

Лучше уснуть, если путь в Небеса мне закрыт.
Все, кто уснули, и люди, и боги, и звери – равны.
Буду во сне, как во тьме, я Твореньем забыт,
И тихонько уйду от жестокой судьбы.

Быть хорошо в Пустоте, в Тишине и в Покое.
Пусть истребятся миры, если время придёт.
Когда рог протрубит и восстану – Творенье иное
Выйдет на свет, и я брошусь в полёт...

Я разбит, очарован и съеден.
Пожиратель мой плачет в углу...
И лиловые ангелы бреда
Начинают свою ворожбу.

«Ты не съеден, – шепнули, – не съеден,
Наш единственный мальчик земной,
Пожиратель во время обеда
Подавился, любимый, тобой.

Видишь, мы собрались у дороги,
И никто не задушит тебя.
Мы сегодня попросим у Бога,
Чтоб тебя поглотила Змея.

И ты станешь бессмертным. На танцы
Пригласим мы тебя у Луны,
Сочиним небывалые стансы –
Все о том, что не съеденный ты.

Знаешь, в мире пустом и огромном
Своего не увидишь лица.
Даже в доме простом и укромном
Веет ветер из рта мертвеца».

Отвечаю: «Я съеден, я съеден,
Голова потерялась во мгле,
Нежно-белый живот не доеден
И глаза мои тают в земле».

Образумились ангелы бреда
И загадочно скрылись в себе.
Но пророческий голос поведал
О моей небывалой судьбе:

«Всё закончено. Съеден, не съеден,
Ты лежишь на таинственном дне,
На полянке лихие медведи
В ад играют, а сами в огне!

Оглянись! Всё, что есть – только снится!
Выходи из Великой Игры!
Становись Запредельного Птицей,
Страшен будь, наподобие Тьмы!»

И восстал я из мёртвого склепа –
Непохожий на тех, кем я был.
Взвился вихрь непонятого света.
Ангел смерти у входа завыл.

Я был угрюм и безобразен,
И мне поведал чёрный кот,
Что буду я судьбой наказан
И труп живой в меня войдёт.

Идут года, а я всё хуже,
Давно издох мой чёрный кот,
Мои глаза наводят ужас,
Змеится жаждой мёртвый рот.

И думал я большую думу:
Уйти от мира вниз, во ад,
Чтоб встретить там родную душу,
Чтоб жить с чудовищами в лад.

Но снова был я опозорен:
Бежали бесы от меня,
Сам Сатана с протяжным стоном
Сказал: «Мне жутко за тебя!»

Куда идти? И где скитаться?
Где преклонить свою главу?
Успел я с мыслями собраться,
Как вижу старца наяву.

И мне поведал старый дьявол,
Что есть под адом тьма одна,
И в этой тьме найду я славу,
Страшнее ада та страна.

И я пустился в путь бездонный,
Чтоб отыскать себе приют.
Прощайте, люди, черти, гномы –
Из Бездны песни мне поют!

Расселила нас вечная страшная Сила
По далёким планетам, по разным мирам,
И теперь, милый друг, ты не помнишь, что было,
Ну а я, как блаженный, хожу и завидую нам.
Неужели не встретимся? Тайные связи порвутся,
И душа не возлюбит как прежде, как было всегда,
И две разные боли в одну не сольются?
Оттого здесь пустынею стала моя голова.
И тогда среди этой бездонной и дикой планеты
Мне ответили резко и странно: «Ты просто смешон.
Если встретитесь снова, при ясности высшего света
Отшатнётесь и скажете: это не он».

На границе сна и мироздания,
Там, где в Небе умерла Луна,
Возникает странное созданье,
И оно невидимо пока.

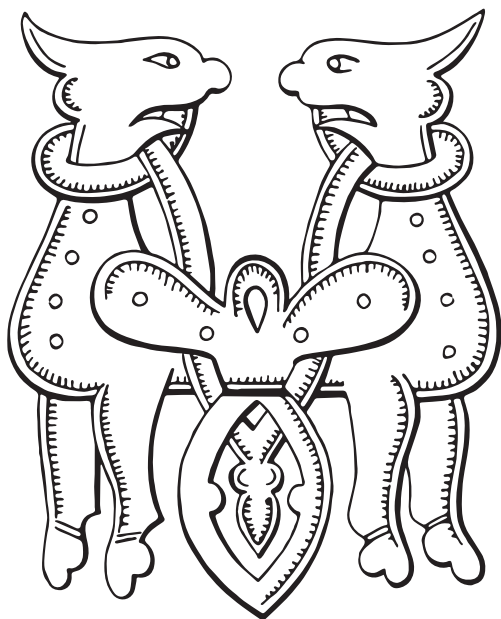
Но когда весь мир его увидит,
То в далёком, будущем бреду
Захочет Дьявол, как Овидий
В закованном ночном гробу.

Мир исчезнет... Был он или не был?
Но из уст Кого-не-знал-никто
Потечёт Невиданная Небыль,
И узнает каждый, кто есть кто.

II

ЧАСТЬ

МОСКОВСКИЙ ГАМБИТ. РОМАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Москва нежилась, древнела, отдыхала и успокаивалась в лучах ещё не заходящего вечернего солнца. Стояло лето 197... года, и небо над Москвой было таким бездонно-чистым и открытым, как будто в мире наступало какое-то сверхъестественно безмятежное время.

Спиридоньевский переулок, что затерялся в бесконечных улочках между Пушкинской и Никитской площадью, тоже был покоен, солнечен и чист. Одинокие прохожие – многие москвичи уже разъехались по дачам, была суббота – только подчеркивали высшую пустыньность и уютность улиц. Иногда из какой-нибудь булочной выскакивала осторожливая старушка с буханкой белого хлеба в руке, да лениво позёвывал на своем посту милиционер... Но по мере того, как темнело, некоторая тревожность, как всегда, входила в улицы и переулки. Впрочем, довольно благая тревожность. Точно тьма таила в себе пробуждение...

Дом №3 по Спиридоньевскому переулку – двухэтажный, желтовато-белый, – сохранился ещё с конца прошлого века. Широкая парадная лестница вела в квартиры с длинными узкими коридорами, по бокам

которых размещались комнаты жильцов. В конце одного коридора, выходящего в глубокий и покойный сад, приютились две смежные комнатки, которые принадлежали Олегу Сабурову – знаменитому подпольному неконформистскому поэту Москвы. В этот вечер Олег сидел у себя со своим давним другом Борисом Берковым в томительном и немного странном ожидании. Мебель в комнатах была вовлекающая в себя, старинная, и друзья расположились в высоких вольтеровских креслах, покуривая и распивая пиво. Иногда из сада под окном раздавался какой-нибудь причудливо-нездешний голосок, и сразу замирал.

– Придёт или не придёт, вот в чём вопрос, – мрачно повторял Борис.

Был он низенького роста, с внимательным, даже пронизывающим взглядом и с выражением на лице скрыто-одухотворённым. Олег же внешне являл собой полную противоположность: пышный, красивый, со стремительными движениями, вдохновенным лицом и печальным, но властным взглядом. Чувствовалось, что он избалован женщинами, хотя это внутренне не коснулось его. Обоим друзьям было под тридцать.

– Я почему-то боюсь, что он не придёт, – глухо ответил Олег.

Стало тихо в комнате, когда где-то – словно из несуществующего подпола – болезненно мякнула кошка.

– И что же будет, если он не придёт?

– Тогда будет то, что было, – продолжал Олег. – А мне так хочется многое изменить!

– Почему, Олег? Что с тобой?

– О, Боря, ты же знаешь меня. Да, конечно, я хочу того, чего всегда хотел: славы, самоутверждения и... бессмертия.

– Ты сама скромность, Олег.

Сабуров засмеялся, неожиданно изменившись в лице.

– Да. Но, Боря, иногда я вдруг, среди дня, отключаюсь и смотрю застывшим взглядом в одну точку, как будто что-то, самое жуткое и тайное, я упустил... А потом – бессмертие. Я ведь говорю не только о творческом, но и том... абсолютном бессмертии. И это мучает меня. Что-то во мне надорвалось. Может быть, потому что я болел, но скорее не в этом дело. Я чувствую, что мы, люди, находимся в совершенно невыносимой ситуации: с одной стороны жизнь сама по себе, сознание, самобытие – так прекрасны, и так хочется, чтобы это всегда было, но с другой стороны жизнь чудовищно, издевательски коротка и безобразна... и что после? Если не владеть ключами жизни и смерти, то лучше не жить. Если бессмертие существует, то я хочу сейчас, именно сейчас, стать свидетелем своего собственного бессмертия, а не просто верить в него! Соприкоснуться с ним практически! Если же это невозможно, и всё покрыто непостижимым мраком, то хотя бы продлить, продлить жизнь, за её обычные сроки, любыми средствами, в том числе и почти сверхъестественными. Говорят, теперь много появляется намеков на такую возможность. Тогда и шансы на абсолютную разгадку будут выше. Но я чувствую жажду сохранить и спасти себя. И поэтому боюсь, что он не придёт. Не придёт, как не встают мёртвые из гроба.

– Ну, что за сравнение!

– А, это к слову! Но видишь ли, я ничего не преувеличиваю. Я знаю из верных источников, что этот тайный человек существует. Кто он? Маг, исцелитель, алхимик – не знаю. Но он обладает какой-то огромной силой, и главное, совершенно необычной, не встречающейся почти в истории людей. Как тебе сказать? Необычной в смысле её направленности и сути. Так оценивают это те, которым я доверяю. Нет, не маг, не исцелитель, это слишком банально, хотя может быть он и делает мимоходом все эти пустяки. Это что-то другое, совсем другое! Мне сказали, что лучше всего его назвать «алхимиком», хотя то, что он делает, может быть, к алхимии никакого отношения не имеет. Но случилось так, что мой приятель, через которого я кое-что знаю, уже больше никогда не увидит этого тайного человека. Здесь всё кончено. Но он назвал Сашу Трепетова, сказав, что Саша действительно близок к нему. И вдруг теперь Трепетов обращается к нам...

– Но не сам этот человек...

– Но ведь Саша с ним в контакте, и придёт от его имени...

– Что тебе Трепетов точно сказал?

– Что я, ты и Лёша выбраны. И чтоб больше никого не впутывать в это дело.

– А много ли людей в Москве вообще слышали об этом тайном человеке?

– В основном только очень узкие круги. Но так получилось, что вся эзотерическая Москва содрогнулась...

– Что же можно такое сотворить, чтобы даже эзотерическая Москва содрогнулась? – пробормотал Берков и тихонечко себе, спокойно закурил новую сигарету.

Опять настойчиво и беспомощно мяукнула сиротливая кошечка, оказавшаяся под кроватью. Она была бездомная, и угол под кроватью поэта был только временным убежищем для неё. Откуда-то из коммунальной кухни донесся нелепый звон кастрюль.

– И ты по ряду признаков думаешь, что этот человек владеет, так сказать, ключами жизни и смерти? – добавил Берков, неуютно взглянув приятелю прямо в лицо.

– О, Боря, Боря! – Олег даже вскочил с кресла. – Не думай, что я такой уж подлый, законченный эгоцентрист! Хотя, конечно, как я говорил, это, мягко выражаясь, не последнее, что интересует меня... Нет, понимаешь, есть нечто большее, что меня влечёт... Я ведь ничего не знаю, тут какое-то притяжение, что-то странное, великое и реальное...

– Да, самое интересное в этом деле, – прервал Борис, – его подлинность. А подлинность в таких вещах нельзя пропускать. Я и согласился на всё это только потому, что слышал кое-что крайне любопытное об этом человеке от серьёзных людей.

– То-то и оно! И не упрекай меня...

Но тут раздались истерические шесть звонков в дверь этой коммунальной квартиры. В ответ в стороне, на кухне, упала чья-то кастрюля, может быть, вывалилась из руки хозяйки.

– А это к нам идут, – улыбнулся Боря.

– Пойду открывать, – озаботился Олег.

Через минуту-другую он вернулся.

– Конечно, Закаулов, – радостно объявил он.

– Ну, значит, все в сборе, не хватает только главного, Саши Трепетова, – вздохнул Боря. – Ну, входи, Лёха, входи!

И Лёша Закаулов появился за спиной поэта. Олег захлопнул за ним дверь и запер её на ключ. Лёха, как всегда, был чуть-чуть пьян («Не удержался даже в такой момент», – подумал Берков), в помятой рубашке, но весел.

– Ребята, клянусь, не пил, зная, что иду в бездну, а не в пивную! – воскликнул он.

– Ну, если подходить с твоими мерками, то можно считать, что ты сегодня не пил, – проворчал Борис.

Лёха уселся в третье вольтеровское кресло.

– Лёшка в норме, – заметил Олег. – Он выпивши, но без перехода за грань...

– Для меня непонятно одно, господа, – заговорил Закаулов из глубины своего кресла, – зачем этот тип, Саша Трепетов, выбрал меня?! Понятно, что тебя, Олег, ты – поэт, языкотворец, избранник муз и богов, и что тебя, Борис, ты – подпольный интеллектуал, философ... Но зачем этому тайному человеку я, я – Лёша Закаулов, с моим метафизическим надрывом, песнями и пьянством?.. Мне бы улететь на Луну, а не лезть в ворота жизни и смерти. Я сюрреалист, чёрт побери, гуляка, и у меня сердце иногда рвётся на части от любви.

– Наговорил! – захохотал Олег. – Ты, Лёха, – поэт, только я пишу словами, а ты – своей жизнью...

– Спасибо, Олег. Утешил, – пробормотал Лёша. – Если б не вы двое, я б, может, и не пошел к этому тайному человеку, да ещё через посредника. Хотя, откровенно говоря, всё это вдруг стало меня занимать по большому

счёту. Ну, в крайнем случае посмотрим на Сашу Трепетова – он и сам по себе легендарная личность.

– Саша ведь, – вставил Берков, – из самых скрытых слоев московского подполья. Глубже этого слоя, по-моему, уже ничего нет. Недаром он связан с этим тайным человеком...

– Хватит о нём, – вдруг прервал, чуть не вскрикнув, Олег, – об этом... алхимике. Здесь наверчено столько, что голова пойдёт кругом. Хватит! Лучше поговорим о Саше. «Алхимик»-то появился недавно, и неизвестно откуда, точно с того света, а Трепетов уже столько лет крутится по глубинкам московским, он из нашего мира...

– Но из другого слоя, – поправил Борис. – Ты ведь даже не был с ним знаком до недавнего времени, а только слышал о нём...

– Это уж точно, что слышал! – захохотал из своего угла Лёха Закаулов, ловко вынул из кармана уютную четвертинку чего-то крепкого и смочив им горло. – Я ведь тоже многое слышал...

Был Закаулов беспределен, лих, но временами – серьёзен и мрачен в своем веселии. Было ему тоже под тридцать лет, и выглядел он, худой и голубоглазый, хоть и растерзанным, но с загадочной бравадой и отчаянностью. Любили его за широкие и необъяснимые метафизические высказывания во время пьянства.

– Так что же ты слышал о Саше? – спросил Борис.

– Станный он человек! – как-то по-трезвому оживившись, ответил Закаулов. – Хотя и я, конечно, не стандартен, что и говорить. Я ведь Трепетова видел дав-

но, всего несколько раз, мельком. И мне трудно о нём говорить. Что-то неуловимое и непонятное в нём есть, во взгляде, даже собственно взгляда нет, а есть нечто большее... Нет, не могу сказать.

Он задумался и поставил четвертинку себе между ног.

– Кто хочет, наливайте, – пробормотал он. – Да, конечно, о нём много всяких легенд и побасенок ходит. Например, дескать, устроили ему с большим трудом частные уроки, итальянского, он же знает языки, для дочери какого-то академика. По высшему счёту. Мол, известный человек, Бодлера, Рембо и Петрарку переводит, почитайте «Иностранную литературу». А потом в назначенный час раздаётся звонок в эдакую роскошную квартиру академика. Мамаша с дочкой умильно открывают: всё-таки учитель, не кто-нибудь, а переводчик Петрарки. И входит Трепетов. Два-три неуверенных шажка по импортному ковру и бац – падает. И блюёт на ковер. Явился: учитель...

– Неплохо. Разрядил, разрядил ситуацию Лёшка, – улыбнулся Берков.

– Или ещё, – и Закаулов лихо отхлебнул из бутылки. – Приходит Трепетов в «Иностранную литературу» по поводу статьи о немецких поэтах-авангардистах. Туда-сюда. Присели на стулья в одном кабинете. Неожиданно входит важное начальство и о чём-то убеждённо говорит. Вдруг Саша приподнимается со стула, молча берёт пухлую руку начальника и намертво целует её. Руководящий замирает, обалдевает и тихо себе, без слов, вылетает из комнаты.

– Да, странновато...

– Ну, это всё-таки легенды. Хотя... Вот ещё одна, она, может быть, точнее. Кто знает?! Последнее время что-то умирают вокруг Саши, те, кто с ним особенно общается. Просто умирают – и всё. Но в основном – исчезают. Таких, пожалуй, больше: исчезают с поля зрения, как в воду канут...

– Ну, наговорил!

– Боюсь я где-то его! – вставил Закаулов.

И он затих. Тишина была мрачноватая и неожиданная.

– М-да, – нарушил молчание Борис, – вроде бы Саша где-то не чужд нашему миру – людей подпольного искусства... У нас же много слоёв, есть и обращённый к метафизике, Олега, например. Кроме того, ведь в Москве много духовно-религиозных групп, есть и чисто эзотерический слой. Скажем, Кирилл Леснев и его союз русских мудрецов. Они связаны с Индией, с Востоком... Есть и другие...

– Ты ещё лекцию прочти!

– Да нет, – смутился Борис, – я клоню к тому, что Трепетов вне всяких кругов, даже эзотерических, хотя казалось бы... Ведь он их всех знает... Но сам он – в каком-то другом, последнем круге, если такой есть...

И в это время опять раздались шесть долгих пронзительных звонков в квартирную дверь. Послышалось, что кто-то из соседей открыл. И через минуту раздался стук в дверь.

– Войдите.

И вошёл Саша Трепетов: человек тридцати с лишним лет, среднего роста, с русыми волосами и с лицом

на первый взгляд довольно обычным. Но вскоре это впечатление от его лица рассеялось. И увиделось иное: что-то очень далёкое, еле уловимое, но присутствующее... И это далёкое как бы отстраняло все человеческие выражения на его лице, и оттого оно становилось непроницаемым для самого пронзительного взгляда, оставаясь в то же время открытым.

СТИХИ АЛЕКСАНДРА ТРЕПЕТОВА

Свет божественный, свет нетварный
И таинственный чёрный свет
Недоступен двуногой твари,
Что живёт в наш жестокий век.

Но развалится век жестокий
Чередой сумасшедших лет,
И останется в Небе высоком
Человек и таинственный свет.

Кто-то тихо заплакал во сне,
Но не умер, а стал молодым.
И открылись глаза на Луне,
И пространство вдруг стало другим.
Но не надо так плакать во сне,
Не откроется больше никто.
И останется мрак на Земле,
Только ангелам будет легко.

Гроба исчезнут.
Дух бессмертный
Войдёт в людей и будет мир иной.
А этот мир, смешной и жуткий,
Падет в небытие,
Рассеется как дым.

Мой двойник обнажён до предела.
То хохочет, то плачет навзрыд,
А его одинокое тело
По ночам в саркофаге лежит.

Отгремели в аду гром и стоны.
Стало тихо, приятно чуть-чуть.
По широкой дороге вампиров
Пробирается мелкая жуть.

Распускаются чёрные смерти,
Сумасшедшие скрылись в норе.
В бесконечной людской круговерти
Не откроешь пути к себе.

Только вой полутрупов слышишь,
Но вдали возникает рассвет,
Проявляются высшие лики, –
Мирозданию приходит конец.

Не забудь умереть, дорогая,
В суете сумасшедших дней,
И тогда, ад и рай избегая,
Станешь ягодкой в мире теней.

Я кошмарен. Великие тени
Окружают меня по ночам.
Опущусь пред собой на колени
И не буду молиться богам.
Боги мрака и света в ответе
И за наш непонятный мир,
За безумцев, попавших в сети,
И за всех, кто убог и сир.

Падает чёрный снег,
Бредит Луною Земля,
И в океане нег
Трудно прийти в себя.

Грозен последний шаг,
Тупо ворчит кабан,
И поднимает страх
Свой неземной экран.

В этом экране – сны,
Падает чёрный снег,
И в отраженьях Луны
Бьется в тисках человек.

Из огромного чёрного гроба
Он выходит, бессмертен и чист,
И змеёй заползает в утробу
Царь безумья, на Бога сердит.

Он придёт, одинок и прекрасен,
Погубить этот дьявольский мир.
Будет тихо. Таинственно ясно.
И начнется невиданный пир.

Беспредельный огненный смерч,
Ты приходишь, неверье губя,
И отходит духовная смерть
Перед силой Царя и Огня.

Покойник смотрит волком:
На улице темно.
Соседи ставят ёлку,
Но детям всё равно.

Играет сильный ветер
Покоем и судьбой,
Но радость тайной встречи
Отмечена тобой.

Ты смотришь, Боже, в щели
На страшный мир земной,
А дети на качелях
Качаются с лихвой.

И кто же нас разбудит?
Покойник лёг в кровать.
А времени не будет,
Уже недолго ждать.

Кентавры хохочут и скачут,
У речки бредёт исполин.
Он глуп, непомерен и страшен,
И в мире повсюду один.

Закричу, заору: «Мой спаситель!»
В воду канет последний бред.
Утону, как безумная птица,
И никто не найдёт мой след.

В тумане ужасов прекрасных
Цветёт огромный райский сад,
Но в нём живёт, объятый счастьем,
Безумно-странный чёрный гад.
Он воеет ночью от бессилья,
От непонятого ума,
Припадки дикого унынья
Сменяют радости года.
И он останется кошмаром –
И зол, и свят, и так бредов,
Что будет вечным идеалом
И не порвёт своих оков.

Не грусти, у зеркал отдыхая,
Ты не ангел и не человек,
Но люблю я тебя, дорогая,
Хоть тебе уже тысяча лет.

У меня был единственный друг,
Он повесился ночью в лесу,
И висел его бедный труп
У зверей и у птиц на виду.

Он, обглоданный, видел меня
Пустотой своих призрачных глаз.
«Что я сделать могу для тебя?!» –
Бормотал я в безумьи не раз.

Всё я думал: ведь он живой,
Но кругом бесконечная тишь...
Нет, не тишь, а шуршит травой,
Видно, он обернулся в мышь.

Я поймаю её на заре,
Принесу в коробке домой,
Буду видеть её во сне,
Разговаривать с ней, родной.

Через день пошёл я туда,
Огневой у трупа покров,
А вверху голубая звезда
Принимает души богов.

Проклятый высшими силами
Мир этот, чёрный как ночь,
Вновь приближается к гибели,
Чтобы себя превозмочь
И превратиться в сияние.
Слава ему и покой!

Не смотри на себя, ты пуглива,
Не кусай свои пальцы. Не плачь.
Он придёт из забытой могилы –
Твой прекрасный и чистый палач.

Абсолютный ужас! Вздогнут и могилы!
Ты когда взорвешь вселенские миры?
И какая искра твоей силы
Вдруг обрушит золотые сны?
Что потом? Какая истина пребудет?
Или просто истин больше нет?
Безобразный хохот ниоткуда –
Твой последний огненный ответ?
Никогда! Твой ужас станет Бездной,
Ада нет, и рай не будет жить,
Гаснет хохот дьявола железный..
Будет то, чего не может быть.

Ангелы в небе стонут,
Дети играют в рай,
В море корабль тонет,
Слышен собачий лай.
Где я? Пришёл откуда?
Полубезумный вопрос!
Лучше поверить в чудо
И отойти от грёз.

В этой жизни покоя не надо,
И покойников надо любить.
Но большая для бесов награда
Этот мир навсегда погубить.

За пределом мира проклятий
Иссякают страдания. И ты
Вдруг окажешься в нежных объятьях
Силы счастья, добра, красоты.

Непонятно, таинственно, странно
Протекут миллионы лет,
Но когда-нибудь вспомнив страдания,
Этой силе ты скажешь: «Нет!»

Он огромен и пуст,
Словно вышел из белого мрака.
Далека ему грусть
И кольцо непонятного страха.
Он идёт по Земле,
Будто призрак погибшей Вселенной,
Отраженья его на Луне
Исчезают подобием тени.
Мы не любим его,
Но боимся безумия ночи.
Закрываемся сном от него,
Залезаем в нору и хохочем.
Сколько трупов он съел,
Наслаждаясь своей пустотою..
Одинок, беспощаден и смел,
Он стоит над великой рекою.
И когда же он, дикий, умрёт
И уйдёт в бесконечные дали?
Он не дьявол, не ангел, не чёрт,
Мы такого ещё не видали!

Свет небесный сильней и сильнее.
Ты мертва, но странно жива.
Душа праха, мерцая, слабеет,
И в глазах твоих пустота.

Похоронят тебя угрюмо.
Свет небесный тебя зальёт.
И блаженство, как высшее чудо,
Неизбежно к тебе придёт.

Скорби не ведает знающий Бога,
Скорбь предназначена детям Его,
Мир этот тёмн, как тайное Слово,
Но глупого счастья в нём полно.

Тихий, задумчивый мальчик
Ловит звезду на лету.
Думает о сумасшествии,
Чтобы объять судьбу.

Кто он? Пришёл откуда?
Об этом не знает никто.
Мы ожидаем чуда,
Но не узнаем его.

Купол золота в небе,
Боги идут чередой,
Странные образы с неба
Землю прикрыли собой.
Стало чудно и сурово,
Образы плыли рекой,
И под небесным покровом
Вспыхнул безумный разбой.

Дети страха тоскуют о Боге,
И горит их пустой огонёк,
А на улице в дикой тревоге
Хулиганит и плачет народ.
Подбирается ужас на крыши.
Стало тихо. Кругом ни души.
Но кошмары бывают излишни
Пред восходом Дракона Любви.

Дико трубит слонёнок,
Птицы летают во сне,
В джунглях родился ребёнок, –
Странная жизнь на Земле.
Умер несчастный слонёнок,
Птицы прижались к земле.
Бедный убогий ребёнок
Сам потерялся во сне.
Тишь и отрада настали,
Не слышен далёкий гром,
И к существам печали
Мир повернулся лицом.

Забудем, что мы живы,
Забудем, что мы мертвы,
Объятые высшей силой –
Зачем нам эти путы?

Идём мы нездешней дорогой
Порвать золотые сны,
Чтоб Сердце вместило Бога,
И пусть погаснут миры.

Я – сокрытый источник страданий,
Предо мною бледнеют миры,
Исчезает тревога исканий,
Затихают повсюду пиры.

И никто не поймёт, не измерит
Смысл великих деяний моих.
Мир огромен, нелеп и безмерен,
Но в нём тайна минут роковых.

Я незримый хранитель ада,
И богини наши тверды,
И от их сумасшедшего взгляда
Распадаются даже цветы.
Есть великая тайна ада,
И познать никому не дано,
Как из жуткого чёрного яда
Вытекает само бытие.

Дикий хохот потока сознания...
Мир уходит, мерцая, в Ничто,
И на самой границе у полного мрака
Строгий дед убирает дерьмо.

Жизнь идёт с небывалой мощью,
И не знаешь, когда ты умрёшь,
То ли станешь как труп красивый,
То ли вверх далеко пойдёшь.

И зачем? И за что? И откуда?
Что потом за пределом земли?
Только знаешь, что жизнь – это чудо
Со смертельным укусом змеи.

Вселенскому сну я не верю.
Превратив этот ужас в покой,
Я стою у таинственной двери,
За которой я стану С собой.

Кто-то умер недавно во сне
И ушёл в бесконечные дали,
Только труп его плакал в земле –
Мы такого ещё не видали.
Мы вещаем, кто умер, кто жив,
Непонятному богу созданий,
Мы ведём себя тихо, как мышь,
В тайне шепчем про мир упований.
Жалко смертных – нелепы они,
Ничего, кроме хлеба, не знают,
Только гавкают мрачно себе
И про душу свою забывают.
Нам плевать. Мы и сами во тьме,
И безумию мира не рады,
Только тот, кто заплакал в земле,
Наше сердце слегка надрывает.

Я стою у глубин распада,
Предо мною – Вселенной пыль.
Нет ни рая, ни мира, ни ада,
Только жуткая чёрная быль.
Только дух и сознание бессмертны,
Нет причин без конца горевать.
Всё восстанет – в другой круговерти,
Чтоб родиться, плясать, умирать.

Дети ада играют в ужас,
И уходит смысл бытия,
Словно жизнь – ледяная стужа.
Но восходит нижняя тьма.

Доигрались, допелись, довылись,
И пустились в жестокий пляс.
И над бездною небо закрылось,
Огонёк последний погас.

Ты кричишь, как безумная птица,
Занесённая в ад земной,
А кругом фантастичные лица,
Непонятных видений строй.

Ангел бури поёт о Боге,
Опадают последние сны,
А за далью времён на дороге
Возвышается храм Сатаны.

В этом городе чёрно-кровавом
Ты хохочешь, себя погубив.
Невидимкой начнётся облава,
И ты вряд ли останешься жив.

Будет хохот и будет смирение,
Дикий топот незримых крыс.
Пожалеешь тогда о забвеньи,
Постепенно спускаясь вниз.

И над городом чёрно-кровавым
Закружится в тоске божество,
И познаешь в скольженьи пьяном
Своё тайное с тьмою родство.

Мы одни в глубине пещеры,
Впереди – лабиринт и мрак,
Но не сломит теперь нашу веру
Даже этой планеты крах!

Всё равно мы выйдем отсюда,
Наша вера – в себя и в жизнь,
Пусть не будет света и чуда,
Но мы вырвемся, победим!

Всё слышнее хохот крысиный,
Странный рокот подземных вод!
И течение трупов синих,
И чёрных чертей хоровод!

Но ни звука. Ведёт нас вера,
Там нора, здесь крысы и тьма,
Позади осталась пещера,
Впереди – надежда одна.

Мы прошли этих трупов селенья,
Мы прошли и крысиный град,
Скоро, скоро конец подземелья,
Но силён ещё мраком ад.

Но мы выйдем даже из ада,
Солнце жизни поёт в груди,
Ничего нам больше не надо,
Виден свет сумасшедшей зари!

Мы выходим. И трубы плачут,
Пламя жизни – оно впереди!
Позади только крысы скачут,
Солнце правды у нас в груди!

Мама, мама, прости, я безумен.
На рассвете немислимых дней
Мне приснилось, что я полоумный
И бегу от каких-то людей.

Мне бы лучше покаяться тихо,
В том, что я существую, живу,
А не думать таинственно, лихо,
Что я душу свою сберегу.

Не найти ни души, ни покоя.
Ветер мира меня унесёт,
И тоска меня здесь не укроет,
И могила меня не спасёт.

Устал я жить, устал хохотать,
Устал видеть сон.
Пора умереть, пора узнать,
Чего хочет Он.

Но хохот будет всегда и везде,
И в Бездне двоится Путь.
Есть высшая тайна в любви к себе,
Но духом владеет жуть.

И я останусь – великий мертвец –
Смотреть в одинокий Глаз.
Провалится мир, исчезнет след,
Но Воля пребудет в нас.

Глубиннее страха – только Ничто,
И все мы похожи на бред.
Антиреальность превыше всего
И зреет великое Нет!

В гармонии миров есть дивная отрада,
И немощь тайная в ней есть.
Возникнет Хаос, Богом данный,
И мир обезумеет весь.

Но я останусь, вечный и спокойный,
Без голоса, без нег, без ничего,
И вдруг увижу: там, вдали, на троне
Хохочет неземное божество.

И я замру, без смерти и без жизни,
Кругом безумье будет выть,
Не надо снов, любви, иной Отчизны,
Уйдём туда, где мы не можем быть.

Наступает покой и безумье.
Всюду смерть, всюду метаглаза.
И хохочет в могиле колдунья,
И поют на луне голоса.

Но превыше покоя Вселенной
И превыше любви богов
Надвигается шёпот из Бездны,
Разрушающий высший покров.

Под мерцающим золотом Мрака
Распадается мир, как слепец.
Убежим от вселенского знака,
Что подал нам Великий Мертвец.

Я родился средь тёмной ночи
В мире жутком, как пасть льва.
Словно дьявол над нами хохочет –
И не выйти из этого сна.

Заметались года разбитные,
Смех и кровь, полоумия страсть,
Но просторы в душе снеговые
Не давали навеки пропасть.

У смертной черты полутрупной
Превратился я в столб огневой,
Всё исчезло во мне, кроме духа,
И божественной тьмы неземной.

И могущество стало сияньем,
И слианным с бессмертным «Я»,
Но откроется высшая тайна –
Та, которая вне Бытия.

Не безумен я, мама, а хуже –
Я простой одинокий медведь,
Но бушует в глазах моих ужас,
И нельзя мне ни пить и ни есть.

Я зовьюсь фантастической птицей,
Пропаду, как огонь на лету,
Чтобы вновь никогда не родиться
В этом мире, в котором умру.

Я растаю в Себе как в блаженном бездонном тумане.
Где конца нет, ни края, одно бесконечное Я.
И забуду пугающий мрак, тишину котлована,
И змеиной утробы таинственный яд.

До свидания, мир! Погаси свои нежные бредни,
Обними самозванцев, свернись в сумасшедший клубок..
Наступает пора осторожных ночных погребений.
Я ушёл в свою Бездну. Прощай, мой безумный дружок!

Вееет тихой прохладой, не смертью.
У камина сидят старики.
Нет ни бури, ни стога, ни смерти,
А читаются просто стихи.
Возникают вдруг волны безумья
И стихия врывается в мрак,
И таинственно входит игуменья,
Потерявшая волю и страх.
Кто-то строгий стоит у камина,
Опоясан кругами змеи,
Словно видятся чьи-то смотрины
Перед тонким уходом с Земли.
А потом круговерть во Вселенной,
Разрывается занавес тьмы,
И душа, оставаясь нетленной,
Покидает владенья судьбы.

Это счастье – быть человеком,
Ибо ты не совсем человек.
Пред тобой расстилается Вечность
И великий божественный свет.
И не будет ни смерти, ни времени,
И не нужно рождаться вновь.
Всё покроет одна бесконечность,
И останутся Ты и Бог.

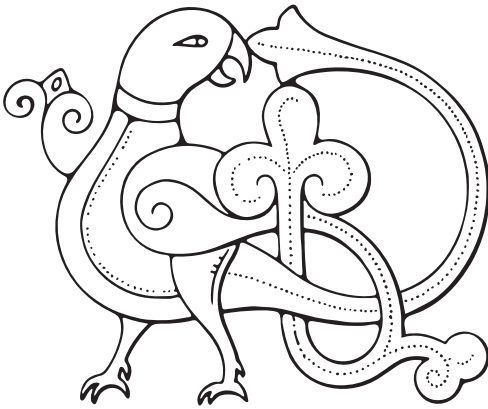
Небо бессмертия движется к нам.
Боже, храни нашу суть.
Мир исчезает, как лёгкий туман,
И отступает жуть.

Не забуду, что я уже умер,
И мой дух, словно пёс, издох.
И я стал в этих странных сумерках
Полусон, полутруп, полубог.

Господи! Сила бессмертья
Входит в таинственный час.
И расставание с жизнью –
Только свобода для нас.

III

Ч А С Т Ь

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ. ЭССЕ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как известно, в эмиграции, без возможности возврата в Россию, вся почти сверхъестественная притягательность России, превосходящая норму, ностальгия по ней проявила себя с неотразимой силой. Ещё бы: «...большое видится на расстояньи...». Иногда эмигранты возвращались, зная, что идут на верную смерть. Всё это настроение с необъятной, страшной искренностью выражено в одноименном стихотворении Владимира Набокова, где он пишет о своём иррациональном желании возвратиться в Россию, даже если там ему грозит смерть.

Возникает вопрос: почему? В чём причина такой глубокой, порой мистической притягательности России?

Когда я сам оказался в эмиграции, такой вопрос (перед самим собой) был неизбежен.

Очевидно было, что в самой России заключена какая-то высшая ценность, какая-то духовная тайна, – и, только прикоснувшись к ней, можно было бы ответить на вопрос: «Почему?».

И в конце концов, в какой-то степени понять Россию, а следовательно, понять себя¹.

А может быть, понять и будущее России, её предназначение, как историческое, так и вневременное, вечное.

Два пути вели к этому. Один – полный пересмотр русской культуры, литературы в особенности.

Второй – попытаться заглянуть внутрь себя, в глубины собственной души, погрузиться в высшую медитацию, переходящую в созерцание.

Я начал с первого пути, и по мере чтения будто бы хорошо знакомой русской литературы, классики, во всех её формах, мне открывалось то, на что раньше не обращал пристального внимания.

Параллельно, конечно, было продвижение и по второму пути, но оно быстро закончилось таким неожиданным поворотом, который и лёг впоследствии в основу доктрины Вечной России, изложенной в моей книге «Россия Вечная», изданной в 2002 году.

Это было молниеносное прозрение, озарение, повлекшее за собой мгновенное познание сути того, что искал.

Так и бывает.

Результат – доктрина Вечной России. Две дороги лежали к ней, одна – аналитическая, познание русской

---

¹ Под понятием «русские», как я уже писал в книге «Россия Вечная», подразумеваются кроме собственно русских все те, которые живут в русском языке и русской культуре, считают Россию своей Родиной и любят её. Более того, русская душа может даже воплотиться в человеке любой национальности и родившемся вне России, например Сюзан Мэсси.

культуры и жизни, вторая – уже не дорога, а мгновенное прозрение, и оно оказалось решающим, ибо в таком постижении раскрывается целостная картина, включая самые высшие слои метафизики России.

Теперь остаётся показать суть этой доктрины. Но она, в наиболее полном виде, уже изложена в книге «Россия Вечная». С другой стороны, многое и существенное понятно при интуитивном прочтении текста «Наедине с Россией», о характере возникновения которого я воздержусь говорить. Однако некоторые черты этой доктрины (изложение всей заняло бы целую книгу, уже написанную) необходимо воспроизвести.

Углублённый анализ русской культуры, литературы в первую очередь, и её интуитивное постижение приводит нас к очевидному, а именно: Россия в русской культуре становится объектом глубочайшего познания и любви, и это познание раскрывает Россию не просто как страну, а как метафизическую реальность, которая выходит за рамки этого мира и, следовательно, исторического процесса как такового.

Россия, её суть просто не вмещаются в рамки человеческой истории. И тогда, кстати, становятся доступными великие слова: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...».

Но её можно «понять», если обратиться к внерациональному, высшему разуму.

Такое познание России неизбежно приводит к следующему выводу.

Поскольку русская идея в силу своей глубины и метафизичности не может полностью воплотиться

в нашем ограниченном мире, то неизбежно её воплощение в других мирах, высших или параллельных, тем более наличие множества миров признано всей мировой духовной традицией.

Вообще говоря, любая идея, достойная называться метафизической, образует некое первоначало. Это первоначало и есть собственно высшая сущность России, сама Россия Вечная, которая может воплощаться в разных мирах, и наша (историческая) Россия является одним из вариантов такого воплощения.

Таким образом, мы приходим к понятию как Вечной России, так и космологической России, воплощённой в разных мирах.

На этом мы остановимся, ибо раскрытие сути России Вечной увело бы нас слишком далеко.

Читайте «Россию Вечную».

Примечательно, что явление России космологической, излучающей свой духовный импульс из космоса, отмечено в стихотворении Александра Блока, текст которого приведён в книге «Россия Вечная»².

Немыслимая, бесконечная любовь к России, пронизывающая русское творчество, звучит в этих стихах уже на космологическом уровне.

Россия космологическая, Россия – победительница пространства и времени – протягивает руку России-мученице.

---

² До некоторой степени этот импульс видится и в стихах других поэтов.

В плане самоутверждения России надо высказать и ещё одно соображение глобального порядка. Сама многогранность русской духовности, её устремление в запредельное, в бесконечное, её метафизический порыв

«Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутолённой верой
Твои запеклись уста.»

неизбежно связан с обратной стороной, а именно со специфическим характером русского бытия. Чтобы нести на своих плечах такой груз запредельности и «неутолённой веры», надо крепко стоять на земле.

Русское бытие отличается многими парадоксальными чертами, и одна из них – его способность выстоять при любых обстоятельствах, его таинственная гибкость и живучесть. Читая, например, Андрея Платонова или просто наблюдая некоторые стороны русской жизни, поражаешься, как народ с такой отключённой ментальностью вообще может выжить, тем более в условиях эры падения, но он не только выживает, но и живёт своей углублённой, не зависимой ни от кого внутренней жизнью. Иными словами, русское бытие имеет некую метафизическую составляющую, которая сохраняет это бытие, эту жизнь.

А теперь обратимся к конкретным экстремальным ситуациям. Способность народа, находящегося даже в тяжёлом положении, вдруг собираться в единую мощную силу тогда, когда создаётся угроза его

существованию. Она поразительна, она творит то внезапное русское чудо, которое периодически возникает в нашей истории и благодаря которому Россия-победительница предстает во всём своём торжестве. И хотелось бы обратить внимание на один момент. В годы Великой Отечественной войны Ахматова писала:

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём...

«Великое русское слово» – вот что противопоставлено здесь античеловеческой нацистской идеологии и историческому расизму во всём его глобальном смысле.

Слово и так духовное божественное начало – здесь есть над чем задуматься.

А теперь необходимо сделать некоторые простые выводы из доктрины России Вечной, выводы, имеющие непосредственное практическое значение.

1) Россия образует совершенно самостоятельную, уникальную цивилизацию, отличную и от Запада, и от Востока, и даже от Евразии.

Россия есть Россия, и это более чем достаточно.

Её основу составляет Православие, русская идея и русская душа.

2) Но Россия не просто и не только страна и цивилизация.

Россия образует собой также величайшую духовную реальность, выходящую за пределы этого мира.

3) В силу предыдущих двух тезисов вытекает, что Россия как страна и как духовная историческая реальность обладает качеством сверхценности. Проще говоря, она является сверхценностью для людей, любящих Россию и верных ей, и, наконец, для всего её народа.

4) Величайшее значение имеет русская душа и её носитель – русский народ.

Русская душа – это фактически микрокосм, в котором отражена Россия.

5) Таким образом, мы имеем феномен Внутренней России, которая находится в центре русской души. Следовательно, такой человек есть сама Россия, в её ином – внутреннем состоянии.

Там, где есть человек с русской душой, там есть и Россия.

Любовь к России является одним из главнейших принципов российской жизни. Она отличается тем, что ей нет границ. И её качество может постоянно углубляться.

Другой важнейший принцип – познание России не только как страны, но и, насколько это возможно, как метафизической реальности³.

---

³ Православие, русская идея и русская душа. Самобытность и особый характер русской цивилизации не означает некоей замкнутости. Следует напомнить слова Достоевского о русском человеке как о всечеловеке. Но, испытывая влияние каких-либо других великих культур, мы превращаем эти влияния в своё собственное достояние, трансформируя их в своём духе. При этом для нас вполне приемлема формула: люби своё и уважай чужое.

Совершенно очевидно, что этот принцип познания относится также и к русской душе, тем более в её космологическом и метафизическом проявлениях, ибо Россия и русская душа – это нечто единое.

Теперь необходимо сказать о конкретной современной ситуации, в которой оказалась Россия.

Ни для кого сейчас уже не секрет, что в 90-е годы XX века Россия пережила, пожалуй, один из самых страшных периодов за всю свою историю.

Раздел страны, разрушение государства, промышленности, сельского хозяйства, катастрофическое уменьшение численности населения, разбой, русофобия, массовая идиотизация населения через телевидение и так далее.

Для каждого очевидно, что в 90-е годы в России по тем или иным причинам произошла историческая катастрофа⁴. С начала нового тысячелетия положение улучшилось, но продолжает оставаться опасным. Россия всё ещё в тисках стечения обстоятельств, и потребуются многие годы упорного труда и верховной мудрости, чтобы, имея на то политическую волю, достичь победоносной нормализации.

Но направления, по которым надо продвигаться, ясны и сейчас.

Пожалуй, самое главное – это сохранение и расширение суверенитета, причём во всех сферах жиз-

---

⁴ В конце концов, катастрофы и потрясения не редкость в мировой истории.

ни. «Суверенная демократия» – это выражение вполне подходит.

Суть заключается в том, что потеря суверенитета и так называемое внешнее управление (управление из заграницы) означает пусть, может быть, медленную, но гибель России. По причинам, один перечень которых требует специальной статьи.

При этом суверенитетом надо обладать во всех сферах жизни страны – экономической, социальной и так далее.

И одна из важнейших таких сфер – это культура и образование, включая, конечно, массовую культуру и информационные потоки. При этом решающее значение имеет не только изгнание из этой сферы разрушительных тенденций, таких как очернение истории и культуры собственной страны, масштабное снижение уровня гуманитарного образования в школах, массовое оглушение людей, особенно молодёжи.

Важно и внедрение в культуру позитивных сил. Особое значение имеет распространение и изучение великой русской культуры, особенно классической русской литературы. Ибо если техническое образование делает специалистов, то гуманитарное – человека, личность. Кроме того, именно через русскую классику, включая поэзию, можно привить по-настоящему глубокую, не формально-официозную, а внутреннюю, неистребимую любовь к Родине. Надо только уметь открыть людям сердца и глаза.

Омертвление же гуманитарного образования, его идиотизация путём тестирования и другим образом –

всё это в целом губительно для новых поколений. Ведь надо же понять, что можно иметь в стране сильную экономику, деньги и так далее, но главным в истории является человек, и именно он, а не машины определяет судьбу страны.

Я уже не говорю о величайшем значении Православия для судьбы страны – это очевидно. Но мы остановились на суверенитете в сфере культуры, сохранение его необходимо ещё и потому, что, по западным же исследованиям, разрушение национальной культуры, тотальная потеря патриотизма и сопутствующих ему воззрений неизбежно ведет рано или поздно к расплыванию, ассимиляции и исторической гибели такого народа, допустившего национальное самоубийство.

И наконец, если в процессе восстановления России необходимо что-то заимствовать, то заимствовать то, что действительно нужно, а не всё подряд, но даже такое заимствование должно обрабатываться на основе российского опыта и менталитета.

В этом и заключается феноменальный успех Китая, который и чужое превращает в «свое», и в любом случае китаец – прежде всего китаец, а потом уже «коммунист», «капиталист» и так далее. Результат – стопроцентная самодостаточность, что и позволило реализовать государственное долголетие.

Разумеется, для России крайне актуальны сейчас и преодоление демографического кризиса (в особенности!), и развитие экономики, и осуществление социальных программ, и, конечно, проблема национальной безопасности и обороноспособности и так

далее. Всё это известно и обсуждается. Хотелось бы только подтвердить мнение о важности социальных программ, которые только и могут восстановить доверие народа к государству, без чего невозможно нормальное развитие страны. Не говоря уже о том, что для России, для ее народа в принципе исключительно важно наличие социально ориентированного нормально-го государства, жизни без потрясений и без разгула криминального капитализма. Как к этому прийти – вопрос жизни и смерти.

На фоне этой смертельной видимой и невидимой борьбы что можно сказать о России духа?

Во-первых, то, что она существует, несмотря на весь очевидный процесс чудовищной духовной деградации во всём «цивилизованном» мире.

Во-вторых, само наличие и дальнейшее раскрытие российской духовности может защитить Россию, ибо человеческая история на самом деле управляема неподвластными человеку высшими силами. Эта «управляемость» таинственным образом сочетается со свободой воли. Но истина человека и его истории заключается в примате духовного начала, которое вечно, в то время как всё остальное в человеческой истории временно. Отсюда ясно, что Россия духа может сохранять и спасать Россию как страну и государство на протяжении всех изгибов так называемого мирового процесса.

Нам следует правильно реагировать на будущие мировые процессы с их возможными катаклизмами (природными, социальными) и войнами.

Но, проходя все эти страшные циклы, означающие постепенный распад и гибель современной цивилизации и переход к новой, Россия может создать подлинную империю духа.

Слава России и её неповторимости!

Слава России Вечной!

НЕОТРАЗИМАЯ СИЛА. СТИХИ О РОССИИ

В самом сердце тихой России
Возгорается воля к ней,
Чтоб познать её тайны глухие,
Чтобы стала она родней.

И там, где тают туманы,
Где царит её внутренний Свет,
Мы знаем: Спаситель с нами,
Как и вечная мудрость Вед.

В глубинах России Вечной
Царит неведомый Царь,
Он правит Россией нездешней,
И слово его – как Дар.

Дела Царя запредельны,
Не властно время над ним,
И образ падшей Вселенной
Для него – словно лёгкий дым.

Но Царь иногда посещает
Россию на этой земле,
И слёзы, как звёзды, мерцают
В его неземной глубине.

Россия, объятая мраком
Таинственной жизни земной,
Её непонятым закатом,
Стоит, как вопрос роковой.

И тайны бессмертия будут
Раскрыты России земной,
И дьявол навеки забудет
Свой хохот безумный и злой.

Россия тайными уклонами
Идёт неведомо судьбе,
И дьявол отвечает стонами
На путь её к Самой Себе.

РУССКАЯ ДУША

В глубинах высших и бездонных
Таится русская душа.
Её покой похож на Бездну,
В которой дремлет тишина.

И вдруг из горнего предела
Незримо падает она
И входит в мир осатанелый,
В людей, которым отдана.

Она как небо многолика.
И Бог, и Бездна с ней дружны,
Где запредельности великой
Раскрыты страшные черты.

И кто коснулся этой тайны,
Хранимый русскою душой,
Неотделим в своих исканьях
От запредельности родной.

У России есть несколько лиц:
Есть от духа, другое – от рек и полей.
Все мы знаем о них...
Есть суровое, в море огней...
Но неведомо нам лишь одно –
То, которое в Бездне таится.
Запредельно-родное оно,
И когда-нибудь может открыться.

Деревушка. Река. Раздолье.
Огонёк манящий вдали...
Это верная русская доля,
Бесконечный поток любви.

Россия будет! Сквозь вечный холод,
Сквозь вой отрицающих Бога в себе,
Сквозь огненно-адский, кошмарный хохот
Она прорвётся к своей Глубине.

И всё бездонное станет Россией,
В бездонность войдёт её тайный смысл.
...А где-то останутся души глухие
И обречённая мёртвая мысль.

Бесконечна ты, Русь, бесконечна!
Волны ада не тронут тебя.
В глубине нам неведомой вечности
Ты живёшь, своё сердце храня.

И вдруг пала, как птица ранимая,
В этот мир отрешенно-земной.
Но душа твоя, тайной палимая,
Ежечасно стоит предо мной.

IV

Ч А С Т Ь

УТОПИ МОЮ ГОЛОВУ.

РАССКАЗ

Человечек я нервный, издёрганный, замученный противоречиями жизни. Но когда возникают ещё и другие противоречия, не всегда свойственные жизни, то тут уж совсем беда.

– Утопи, негодяй, мою голову... – услышал я во сне холодное предостережение, сказанное четырнадцатилетней девочкой Таней, которая за день до того повесилась у нас под дверью.

Собственно, история была такова. Во-первых, она вовсе не повесилась. Это я сказал просто так, для удобства и лёгкости выражения. Таня засунула голову в какую-то строительную машину, и, когда что-то там сработало, ей отрезало голову, как птичке, и голова упала на песок. Во-вторых, не совсем у меня под дверью, а шагах в ста от нашего парадного, на пыльной, серой улице, где и велось строительство. Покончила она с собой по неизвестным причинам. Говорили, правда, что её – часа за два до смерти – остановил на улице какой-то мужчина в чёрной шляпе и что-то долго-долго шептал ей в ухо. И такое нашептал, что она возьми – и покончи. После этого шептуна упорно искали, но так и не нашли. Думаю, что нашептали кое-какие намеки на... Тсс, дальше не буду.

Итак, уже через несколько часов после своей смерти она ко мне явилась. Правда, во сне...

А теперь о наших отношениях. Были они тихие, корректные и почти метафизические. Точнее, мы друг друга не знали, и дай Бог, если слова три-четыре бросили друг другу за всю жизнь. Хотя она и была наша соседка. Но взгляды кой-какие были. Странные, почти ирреальные. С её стороны. Один взгляд особенно запомнил: отсутствующий, точно когда маленькие дети рот раскрывают от удивления, и в то же время по-ненашему пустой, из бездны. Потом я понял, что она вовсе не на меня так смотрела, а в какой-то провал, в какую-то дыру у лестницы. А вообще-то взгляд у неё был всегда очень обычный, даже какой-то слишком обычный, до ужаса, до химеры обычный, с таким взглядом курицу хорошо есть. А порой, наоборот, взгляд у неё был такой, как если бы мёртвая курица могла смотреть, как её едят.

И всё, больше ничего между нами не было. И поэтому почему она ко мне пришла после смерти – не знаю. Просто пришла, и всё. Да ещё с таким старомодным требованием.

Но я сразу понял, как только она мне приснилась в первый раз, что это серьёзно. Все серьёзно, и то, что она явилась, и то, что она явилась именно ко мне, и то, что она настаивала утопить её голову. И что теперь покоя мне не будет.

Тут же после сновидения я проснулся. Вся мелкая, повседневная нервность сразу же прошла, точно в мою жизнь вошло небывалое. Я открыл окно, присел рядом.

Свежий ночной воздух был как-то таинственно связан с тьмой. «Ого-го-го!» – проговорил я.

...Только под утро я заснул. И опять, хотя вокруг моей сонной кровати уже было светло, раздался всё тот же металлический голос Тани: «Утопи мою голову!» В её тоне было что-то высшее, чем угроза. И даже высшее, чем приказ.

Я опять проснулся. Умственно я ничего не понял. Но какое-то жуткое изменение произошло внутри души. И кроме того, я точно ослеп по отношению к миру. Может быть, мир стал игрушкой. Я не помню точно, сколько прошло дней и ночей. Наверное, немного. Но они слиты были для меня в одну, но разделённую внутри, реальность: день – слепой, белый, где всё стало неотличимым, ровным; ночь – подлинная реальность, но среди тьмы, в которой, как свет, различался этот голос: «Утопи, утопи мою голову... Утопи, утопи, утопи...» Голос был тот же, как бы свыше, но иногда в нём звучали истерические, нетерпеливые нотки. Точно Таня негодовала – сердилась и начинала сходить с ума от нетерпения, что я медлю с предназначением. Эта её женская нетерпеливость и вывела меня из себя окончательно. В конце концов куда, зачем было так торопиться? Таня ещё была даже не похоронена, тело лежало в морге, а родителям её сказали, что голова уже надёжно пришита к туловищу. Не мог же я, как сумасшедший, бежать в морг, устраивать скандал, требовать голову и т. п. Согласитесь, что это было бы, по крайней мере, подозрительно. Тем более я-то ей никто. Может быть, ее родители ещё могли бы запросить её голову, но только не я. А обращалась она ко мне!

Отчётливо помню день похорон. Здесь уже я начал подумывать о том, что бы такое предпринять, чтобы стащить ее голову. Но остановило меня то, что её хоронили по христианскому обряду. Значит – во время похорон нельзя. Я даже смутно надеялся, что после таких похорон она успокоится. Ничуть. После похорон её требования, её голос стал ещё более безумен и настойчив.

Через два дня после похорон я попробовал обратиться за консультациями.

Решил идти в райком комсомола. Я, естественно, комсомолец, кончил университет, добровольно сотрудничал в комсомольско-молодёжном историческом обществе. Там мы занимались в основном прошлым, особенно про святых и чертей; кому что по душе – кто увлекался Тихоном Задонским и Нилом Сорским, кто – больше про чертей и леших. А кто – и тем, и другим. Это и была наша комсомольская работа. Так вот, Витя Прохоров в этом обществе видный пост занимал, по комсомольской линии. Сам он был мистик, отпустил бороду и в Кижии наезжал чуть ли не каждый месяц. Знания у него были удивительные: от астрологии до тибетской магии. Потом его перебросили в райком комсомола, зав культурным и научно-атеистическим сектором. Вот к нему-то я и устремился на второй день после похорон Танечки.

...Витя встретил меня в своем маленьком и скромном кабинетике. На стене висел портрет товарища Луначарского. Взглянув на меня, он вытащил из какого-то тёмного угла поллитровку и предложил отдохнуть. Но я сразу, нервно и взвинченно, приступил к делу. Выложил всё как есть про Танечку... Он что-то вдруг загрузил.

– А наяву у тебя не бывает видений Тани? – спросил он, даже не раскупорив бутылку с водкой.

– Нет, никогда. Только во сне, – ответил я.

– Значит, дело плохо. Если бы днём, наяву – другой подтекст, более лёгкий.

– Я так и думал! – взмолился я. – Только во сне! А днём – никаких знаков, но в меня вошла какая-то новая реальность. Всё парализовано ею. Я не вижу мир. Я знаю только, что мне надо утопить её голову!

– В том-то и дело. Это твоя новая реальность – самый грозный знак. Голос – пустяки по сравнению с этим... Когда, говоришь, её похоронили?

– Два дня назад.

– Вот что, Коля, – буднично сказал Прохоров, – скоро она к тебе придёт. Не во сне, а наяву, в теле.

– Как в теле?

– Да очень просто. Ты всё-таки должен знать, что, например, святые и колдуны обладают способностью реализовывать так называемое второе тело. Это значит, что они могут, скажем, спать и в то же время находиться в любом другом месте, очень отдалённом, например, но заметить, не в виде «призрака» или «астрала», а в точно таком же физическом теле, в его, так сказать, двойнике. Иногда они так являлись к друзьям или ученикам. Хорошие это были встречи. Святые это делают, конечно, с помощью коренных высших сил, колдуны же с помощью совершенно других реалий... Так вот, более или менее естественным путем это может иногда происходить и у самых обычных людей, только сразу после их смерти... Короче, приходят они порой

к живым в дубликате, в физическом теле своём, хотя труп гниёт...

– Очень может быть, – как-то быстро согласился я.

– Э, Коля, Коля, – посмотрел на меня Прохоров. – Всё так просто в жизни и смерти, а мы всё усложняем, придумываем... В Кижях, между прочим, один старичок очень забавно мне рассказывал о своей встрече с упокойной сестрицей... Но учти, с Таней всё гораздо сложнее... Она – необычное существо...

– Хватит, Виктор. Всё понятно. Дальше можешь не говорить. Давай-ка лучше выпьем. Надеюсь, у тебя тут не одна поллитра.

И мы напились так, как давненько не напивались. Прохоров даже обмочил свое кресло. Комсомольская секретарша, толстенькая Зина, еле выволокла нас, по-домашнему, из кабинета – в кусты, на травку перед райкомом. Там мы и проспали до поздней ночи – благо было тепленько, по-летнему, и никто нас не смущал. Вырезвительная машина обычно далеко объезжала райком.

Глубокой ночью я еле доплёлся до дому. Пустынные широкие улицы Москвы навевали покой и бездонность. Наконец дошёл. Зажег свет в своей каморке, лёг на диван. Но заснуть не хотел: боялся Таниного голоса.

Ещё два дня я так протянул. А ведь знал, что тянуть нельзя. Надо было тащить голову. Но мной овладели какая-то лень и апатия.

И вот третий день. Я сидел в своей комнате, у круглого обеденного стола, дверь почему-то была открыта в коридор. На столе лежали буханка чёрного хлеба, ободранная колбаса и солонка с солью. Соль была немного

просыпана. «К ссоре», – лениво думал я, укатывая хлебные крошки. Почему-то взгляд мой всё время падал на занавеску – занавеску не у окна, а около моего нелепого старого шкафа с беспорядочно повешенными в нем рубашками, пальто и костюмами... Эта занавеска всё время немного колыхалась... Всё произошло быстро, почти молниеносно и так, как будто бы воплотился дух. Таня просто вывалилась из шкафа. Мгновенно поднявшись, она прыгнула мне на колени и с кошачьей ловкостью обвила меня руками. Плоть её была очень тяжела. Гораздо тяжелее, чем при жизни. Я чувствовал на своём лице её странное и какое-то отдалённо-ледяное, но вместе с тем очень живое, даже потаённо-живое дыхание. Глаз, глаз только я не видел. Куда они делись?

– Папочка, папочка милый, – заговорила она быстро-быстро, обдавая меня своим дыханием. – Обязательно утопи мою голову... Ты слышишь? Утопи мою голову...

Больше я уже ничего не слышал: глубокий обморок спас меня. Сон, только глубокий сон наше спасение. Сон без сновидений. И ещё лучше – вечный сон, навсегда. Вот где безопасность!

...Очнулся я, когда Тани уже не было в комнате. Окончательно меня добило это дыхание на моих губах: смесь жизни и смерти. Но я начал сомневаться: действительно ли она вышла из шкафа? А может быть, из-за этой вечной колеблющейся занавески? А может быть, просто вошла в открытую дверь? Однако сначала мне было не до этих вопросов. Болел затылок от удара головой об пол. Стул, на котором я сидел, сломался. А со-

лонка так и оставалась на столе, рядом с рассыпанной солью... В конце концов, этот стул я еле достал у знакомых – это был антикварный, редкий стул! Я купил его себе в подарок, когда ушёл от жены. Может быть, Таня, если бы не отрезала себе голову, стала бы моей родимой и вечной женой: в будущем, когда бы подросла. Обвенчались бы в церкви. Как это поётся: «Зачем нам расставаться, зачем в разлуке жить?! Не лучше ль повенчаться и друг друга любить!». И поехали бы в свадебное путешествие по Волге вместе с этим странным стулом; он так велик, что на нём можно уместиться вдвоём.

Интересно, могла бы быть Таня хорошей женой для меня? Правда, при всей простоте этой девочки, было у неё внутри что-то страшное, огромное, русское... Да, но почему она назвала меня своим папочкой?! Какой я ей отец, в чём?!

Медлить и тянуть kota за хвост больше нельзя. Пора ехать на кладбище.

Почему в наших пивных всегда так много народу, впрочем, может быть, так оно и лучше. Как-то теплей. Но мне не до поцелуев с незнакомыми людьми, не до объяснений, скажем, вот с тем седым пропойцем у окна, Андреем, которого я вижу в первый раз, что «Андрюша, ты пойми, что я без тебя жить не могу, я уже двенадцать лет о тебе думаю». Сейчас я холоден и реалистичен, несмотря на безумную и отравляющую мое сознание острым и тяжким хмелем кружку пива. Я обдумываю, где мне достать деньги. Придётся кое-что продать, кое-чем спекулировать. Меньше чем за триста рублей за такое дело могильщик не возьмётся.

А это большие деньги. Это ровно тысяча двести таких вот безумных кружек пива, от которых можно сойти с ума. Могильщик, который должен будет разрыть Танину могилу и вскрыть гроб, не пропёт сразу все эти триста рублей. Хотя я знаю, все могильщики большие пропойцы, и своё чёрное дело они совершают всегда пьяные, с мутным взором. Но мне одному всё равно не вырыть гроб: я слаб, нервен, на кладбище есть сторож даже ночью; надо знать время, когда он обычно спит, или что-нибудь в этом роде.

Потребовалась ещё мучительная неделя, чтобы я напал на след Таниного могильщика и понял, что дальше искать не надо: он согласится сам на такое дело. Это был грязный, полуопившийся мужчина по имени Семён, с тяжелым, но где-то детским взглядом. Почему-то он привёл с собой ещё своего кореша – этот не работал на кладбище, но могильщик ему во всём доверял. Звали кореша Степан. Он был маленький, толстенький и до дурасти весёлый, почти совсем шальной от радости. Возможно, это было потому, что он часто помогал могильщику. Наверное, великое счастье участвовать не главным в таких делах, но всё-таки участвовать.

Мы присели на брёвнышках, у травки, у зелёного пивного ларька, недалеко от кладбища. Толстая продавщица всё время распевала старинные песни, продавая пиво. Семён с ходу резко спросил меня:

– Для чего тебе голова?

Легенда у меня уже была готова.

– Видишь ли, – сказал я печальным голосом, – это моя племянница. Я хотел бы иметь её голову на память.

– Ты так её любил? – спросил до дурасти весёлый Степан.

– Очень любил, а сейчас ещё больше...

– Сейчас ещё больше... Тогда понятно, – прервал Семён.

– А где ты будешь хранить голову? – опять вмешался Степан.

– Я засушу её, вообще подправлю, чтобы она не гнила, – ответил я, прихлёбывая пивко. – А где хранить... Я даже не думал об этом... Может быть, у бывшей жены.

– Только не храни её в уборной, – предупредил Степан, – Туда всегда заходят гости, друзья. Нехорошо...

– Это не важно, – оборвал Семён. – Пусть хранит где хочет. Это не наше дело. А что он скажет другим – тоже не наше дело. Мы всё равно завербовались на Колыму и скоро уезжаем. Там нас не найдешь.

– Но вы, ребята, уверены, что всё будет шито-крыто? – спросил я.

– Мы своё дело знаем. Ты у нас не первый такой.

Тут уж пришёл черёд удивляться мне.

– То есть как не первый?

– Эх, тюря, – усмехнулся Семён. – Бывает порой. Ведь среди нас есть такие, как ты, плаксивые. Студентка одна была здесь полгода назад: забыла взять волосик с мёртвого мужа. Коровой ревела. Пришлось отрыть. Случается, некоторые пуговицы просят, но большинство волосики. Всё было на моём веку. Одна дамочка просила просто заглянуть в гроб, хотя лет десять уже прошло с похорон мужа, из любопытства, разные есть люди. Правда, насчёт головы ты у нас первый такой нашёлся,

широкая натура, видно, сильно её любишь. Но учти, за волосик или так за любопытство мы берём сто, ну сто пятьдесят рублей, смотря по рылу. А за голову двести пятьдесят выкладывай – без разговоров.

– Само собой... Мне присутствовать? – спросил я.

– Зачем? – удивился Семён. – Если волосик, тогда конечно, потому что надуть можно, хотя мы люди честные. Но головку-то спутать нельзя, тем более всего неделя какая-то прошла с похорон. Мы вдвоём со Степаном управимся. Ну вот наконец-то поллитра вылезло из кармана! Разливай, Степан, на троих, у тебя глаз аккуратный... Да, значит, договоримся о встрече. Товар на обмен, рука в руку, мы тебе голову, ты нам деньги, на пропой души её...

Все помолчали. Хряснули стаканы с водкой, за дело.

– Девка-то, видно, хорошая была, – загрузил Семён. – Я ведь её хоронил. Тихая такая была. Ничего у неё не болит теперь, как у нас. Эх, жизнь, жизнь! А я свой труп уже пропил, в медицинский институт...

Встречу назначили через день, утром, у кладбища, в подъезде дома номер три – тёмном, безлюдном и грязном. Все часы мои перед этим были светлые-пресветлые, и только голос Тани во сне звучал тихо-тихо, даже с какой-то лаской. С нездешней такой прощальной лаской. Они ведь тоже люди, мертвецы-то. Они всё понимают, всё чувствуют, ещё лучше нас, окаянных, хотя по-другому. Понимала она, значит, что мечты её сбываются. Отрубят ей в могиле голову и принесут мне в мешке в подъезд. Она ведь так хотела этого, а слово мёртвых – закон. И ещё говорят, когда очень хочешь, то всегда сбывается. Недаром

Танечка так просила, кричала почти. И ещё хорошо, если бы у всех людей на земле появилось бы такое желание, как у Танечки. У всех людей, в Америке, Европе, Азии, везде, у живых и мёртвых одинаково, какая сейчас разница между живыми и мёртвыми – кругом одни трупы бродящие. И не топили бы головы, а сложили бы их в одну гору, до Страшного суда. Все равно не так уж долго ждать. И все попутные, обыденные страхи решились бы: никаких атомных войн, ни революций, ни эволюции... Впрочем, что о такой ерунде, как эти страхи, говорить. Думаю я, что тело, в котором Танечка мне явилась, и на колени мои прыгнула, и ручками обняла, это и есть тело, в котором и явится, когда Страшный суд придет. А может, я ошибаюсь. Надо у Прохорова спросить: он все знает, комсорг..

Вот и наступил тот час. Я стоял в подъезде дома номер три, в темноте. В кармане – билеты, туда, за город, на реку... где же ещё топить, не в Москве же реке, кругом милиция, да и вода грязная. За городом – лучше, там озёра, чистая вода, холодная, глубокая, с такого дна голова Тани уже никогда не всплывёт.

Семён и его помощник, как-то озираясь, дико шли ко мне, у Семёна в руках болталась сумка. Я думал, что всё будет более обыденно. И вдруг – какой-то внезапный страх, как будто что-то оборвалось и упало в душе... Могильщики, странно приплясывая, приближались ко мне. Семён почему-то сильно размахивал сумкой с головой, точно хотел голову подбросить – высоко, высоко, к синему небу.

Разговор был коротким, не по душам. Голова... деньги... голова. Водка.

– Вот и всё.

– Взгляни на всякий случай, – проурчал Семён. – Мы не обманщики.

Я содрогнулся и заглянул в чёрную пасть непомерно огромной сумки. Со дна её на меня как будто бы блеснули глаза – да, это была Таня, тот же взор, что и при жизни. Я расплатился и поехал на вокзал. Взял такси. Они мне отдали голову вместе с сумкой – чтоб не переключивать, меньше возни. Сумка была чёрная, потрепанная, и видимо, в ней раньше носили картошку – чувствовался запах. Милиционеров я почему-то не боялся, то есть не боялся случайностей. Видно, боги меня вели. Каким-то образом я влез в перенаполненную электричку.

В поезде было очень тесно, душно, много людей стояло в проходе, плоть к плоти. Ступить было некуда. Я боялся, что мою сумку раздавят и получится не то. Таня ведь просила утопить. Неожиданно одна старушка – ну прямо Божья девушка – уступила мне место. Почему – не знаю. Скорее всего, у меня было очень измученное лицо, и она пожалела, ведь, наверное, в церковь ходит.

Сколько времени мы ехали, не помню. Очень долго. А вот и река. Она блеснула нам в глаза – издалека, такой холодной, вольной и прекрасной своей гладью. Я говорю «мы», потому что уверен, что Таня тоже все видела там, в сумке. Мертвецы умеют смотреть сквозь вещи. Правда, ни стопа, ни вздоха не раздалось в ответ – одно прежнее бесконечное молчание. Да и о чем вздыхать?! Сама ведь обо всем просила. А для чего – может быть, ей одной дано знать. К тому же Прохоров сказал, что она необычная.

И всё же мне захотелось спросить Таню. О чём-то страшном, одиноком, бездном... В уме всё время вертелось: «Всё ли потеряно... там, после смерти?!» Надо толкнуть, как следует толкнуть её коленом, тогда там, в чёрной сумке, может быть, прошуршит еле слышный ответ... Но только бы не умереть от этого ответа... Если она скажет хоть одно слово ужаса, а не ласки, я не выдержу, я закричу, я выброшу её прямо в вагон, на пиджаки этих потных людей! Или просто: мёртво и тупо, на глазах у всех, выну голову и буду её целовать, целовать, пока она не даст мне ободряющий ответ.

И вот я – на берегу. Никого нет. Мне остаётся только нагнуться, обхватить руками Танину голову и бросить её вглубь. Но я почему-то медлю. Почему, почему? О, я знаю почему! Я боюсь, что никогда не услышу её голоса – тихого, грозного, умоляющего, безумного, но уже близкого мне, моей душе. Неужели этот холодный далёкий голос из бездны может быть близок человеку? Да, да, я, может быть, хочу даже, чтобы она приходила ко мне, как в тот раз, во плоти, пусть в страшной плоти – из шкафа, из-за занавески, с неба, из-под земли, но всё равно приходила бы. И садилась бы на мои колени, и что-то шептала бы. Но я знаю, этого не будет, если я выброшу голову.

Но я не могу послушаться голоса из бездны. Ах, Таня, Таня, какая-то ты все-таки чудачка...

Но зачем, зачем ты так жёстко расправилась с собой?! Сунуть мягкую шейку в железную машину! А ведь можно было сидеть здесь, пить чай у самовара. Но глаза, твои глаза – они никогда не были нежными...

Ну, прощай, моя детка. С Богом!

Резким движением я вынимаю голову. На моих глазах пелена. Я ничего не вижу. Да и зачем, зачем видеть этот земной обречённый мир?! В нём нет бессмертия!

Я бросаю Танину голову в реку. Вздох, бульканье воды...

P.S. Позже я узнал, что человек, подходивший к Тане перед её смертью и что-то шептавший ей, был Прохоров.

НА ЗЕМЛЕ НЕТ ПОКОЯ...

Скоро время совьётся в пространство,
И подует иной ветерок.
Я в пещере сижу – не в прострации,
Не какой-нибудь я идиот.
Затуманили душу видения
И утробного счастья года.
Мне не надо других измерений,
Лучше будет, как было всегда.
Как всегда, расцветали бы звери,
Кровожадные пели б уста,
И тихонько закрылись бы двери
В мир иной – навсегда, навсегда!

Я не ангел в сиянии славы,
А заброшенный в дебри медведь.
Снятся в сумерках волк и облава,
Но не властна пока ещё смерть.

Может быть, через бездны скитаний
Обрету во Вселенной покой,
И глаза чудодейственных тварей
Будут тихо сиять надо мной.

Розы цветут в голове,
Сон мой бредёт по Луне.
Кто-то кричит, одиночек,
Сам он к себе жесток.

Очень много чертей на свете!
Их не счесть, не понять никогда,
Лишь одно я могу посоветовать:
Целоваться с ними нельзя.

Не познаешь, кого ты целуешь –
Существо или подсущество,
Не разнюхаешь и не учуешь,
Что творится в глубинах его.

Ты таинственно будешь обманут,
Завлекут поцелуями в ад,
И тебя неизбежно затянут
В этот самый чертовский расклад.

Не пляши, как дурак, завывая,
И не бейся о стены ногой,
Ты не знаешь блаженства и рая,
Потому успокойся, родной!

Поезд мчится в тьму ночную,
Диким мраком окружён...
Он несётся в глушь родную,
Светел там один вагон...

В том вагоне у окошка –
Одинокий человек,
Виден он как на ладошке,
Он нашёл себе ночлег.

Кто его туда забросил,
От кого он в тьму бежит?!
Или черти его носят,
Иль грозит ему бандит?!

Или сам он победитель,
Перебил своих врагов,
Но боится он, что мститель
Вдруг придет как зверолов?!

Что там ждёт его: могила
Или братские пиры?!
Иль убийца тупорылый,
Иль объятия сестры?!

Поезд мчится в даль ночную,
По Руси идёт огонь...
Только бездну роковую
От себя мы отведём!

Не целуй по утрам обезьяну,
Не ласкай полумёртвых собак,
Не залечишь душевные раны
Этим странным походом во мрак.

Из горы чёрно-глубокой
Он выходит, голубой.
Ветер, хохот одинокий,
Здравствуй, чёртик дорогой!

Чёртик томно поклонился,
Весь кроваво-голубой.
И надменно наклонился
Над моею головой.

Что ты хочешь, нежный ворон?
Бедный чёртик, ты не плачь!
Нас овеет вечный холод,
Ты и призрак, и палач.

И когда уснешь навеки
В ледяном своём гробу,
Чёрт большой поднимет веки
И промолвит: «Бу-бу-бу»...

Есть страна такая,
Тебя там не поймут,
Там птицы не летают,
Там песни не поют.

Тоска одна на свете
Там ширится как спрут...
Никто там не в ответе,
Что плохо так живут.

Но я отчаянный парень,
Крушу тоску не зря,
Стуча на барабане,
Забывши про себя.

И вот меня послали
В ту грустную страну,
Отлично сознавая,
Что я крушу тоску.

Об этом моём свойстве
По свету шла молва.
Любой среди упойства
Об этом знал болван.

Приехал я в сторонку,
Глаза мои – костёр,
В красивой рубашонке,
С душою – как простор!

И ошалели люди,
Запели старички,
Девчоночки на блюде
Винца мне поднесли...

Теперь летают птицы
И песни там поют,
И старикам не спится,
Все весело живут.

И я тогда вернулся,
В красавицу Москву
И всем, кто обманулся,
Рассеял я тоску.

Такой уж я громила,
Громлю одну тоску,
Играю на гитаре,
Любому помогу...

Из цикла «НАРОДНЫЕ»

На дальней на дороге
Стояли три сосны,
Но не было возврата
Из этой стороны.

Любой, кто там застрянет,
Назад уж не придёт,
И ум его ослепнет,
И воля изойдёт.

Но я решил однажды
Дорогу испытать,
Решил в тоске отважной
С судьбою поиграть.

Я вышел на дорогу,
Дорогу в никуда,
Где сердце холодеет,
Где чёрная беда.

И я упал на землю,
В густую трень-траву,

И слышу гул подземный
И чью-то ворожбу.

Тогда я вдруг припомнил
Заветные слова,
Что слышал с колыбели,
Что выше колдовства!..

И вот в пути далёком
Зажегся вдруг костёр,
И Русь, жена Востока,
Явила свой простор.

Кругом всё изменилось –
Погасло колдовство,
И речка побежала,
И стало всем легко...

На дальней на дороге
Стояли три сосны...
Но кончилось залятье
Для этой стороны.

Не умру... Перед Господом Богом
Я клянуся... Кругом чудеса...
Надо мною, над дурой убогой,
Что ни вечер – поют голоса.

Пропоёт и пропляшет, родимый,
Дождик тёплый меня окропит.
Вот он тихий выходит, без имени,
И со мной о душе говорит.

Помолюсь за врагов и за лишних.
Даже чёрту хочу благодать.
Как блаженно бездомной и нищей
Будет мне у пенька умирать.

Ветер в поле меня не развеет.
Дух мой Богом пронизан до дна.
Надо мною, над дурой убогой,
Каждый вечер поют голоса.

Только плакать в могиле не надо.
Сон весёлый приснится тебе.
И появишься белый и голый
На воздушном и тёплом коне.

Конь зафыркает. Крылья расправит.
Полетишь, голубой, в небеса.
От земли кто-то крикнет: «Родной мой!»
Но вдали – тишина. Голоса...

Сон окончится. Бедный и странный,
Ты не спишь, ты – забытый на дне.
Кто там вертится, плачет, играет?
Этомышь? Это ты на коне.

Из лихого и высшего Бреда
Он выходит, одетый в Ничто.
Есть в нём что-то от Синего Деда,
И его не узнает никто.

Он идёт, одинокий и зыбкий,
От лица его падает Мрак.
От его непонятной улыбки
Исчезает у путников страх.

И его нам бояться не надо:
Он и сам весь от ужаса сед.
На спине его тихие гады
Ожидают Вселенский Рассвет.

Распласталось безумное море.
Над землёй, словно тьма, облака.
Мы у стен нестигаемой Трои,
И на небе – богов голоса.
Трудно жить под покровом бессмертных,
Больно слышать их песнь торжества.
Не поможет здесь память по мёртвым,
Лучше броситься в лес, в пиршества!
А потом – только войны за войнами!
Нам осталось – Спасителя ждать,
А пока истерическим воем
Хор богов на Луне провожать.
Или просто дремать в изумлении,
Видеть звёздных лучей водопад
И ловить в полоумном смирении
Бога смерти таинственный взгляд.

Подними свой лик, мой нежный мальчик!
Я устал. Я умер на Земле.
Где ты? Будем слушать молча
Голос твой, молчавший столько лет.

Ты недолго царствовал над нами,
Страшен был укус в полночной тьме,
Голова твоя, как озеро Валдая,
Заблудилась в нашей кутерьме.

В нашей тьме не видно даже мёртвых.
Знаешь ты, откуда ты пришёл?
Говори. Поведай, мальчик, кротко
Нам про вечность и про острый кол.

Говорил: «Нечестивая, странная,
Ты умрёшь пред восходом Луны».
А она, как мечта окаянная,
Повторяла: «Со мною и ты...»

...Будут плыть под ногами столетия,
Станет плоть наша – «Тайна одна...»
И в звериной тоске по бессмертию
Пред Луною завывла она.

Я метался, её уговаривал...
Но превыше Тоски и Любви
За покровом огромного зарева
Высший голос раздался: «Иди...»

Вот ушёл от уснувшей Свины,
И пойду – далеко, далеко.
Виден пик одинокой горы,
С того света кричат: «И-го-го!»

Не уйти, не уйти от Свины.
Вот опять спит она на горе...
Между тем на Луне рыбаки
Ловят смерть на таинственном дне.

Чёрный чёрт загородит пространство
И останется только Луна.
Мы замрём. Вот оно – окаянство
Непонятого, в поте, угла.

И тогда, побеждая пустыню,
За чертою чертеющих мук,
Где синеющий ангел застынет,
Разгорится таинственный звук.

И смешается угол, пространство,
Пот, и червь, и лихой говорок.
Нам останется: мрак, окаянство
И о Боге последний слушок.

Говоришь, что не надо обьятий,
Что ты замкнут в дремучем бреду.
Милый, милый, не надо проклятий.
Я, как песню, тебя берегу.

Берегу как последнюю песню,
Как заветное слово в аду.
Ты мой чёрный и радостный вестник,
И я знаю – с тобой пропаду!

Пропаду и воскресну, как пламя,
В новом, радостном, чёрном аду.
Ты – моё одинокое знамя,
Я навеки тебя сберегу!

Воевода без голоса.
И кричит по ночам.
Словно каркают в хаосе,
Где нет места богам.

И безумные вороны –
У себя в небесах.
Откликается колокол,
И легко на полях.

Мы забытые птицы.
И не будем нигде.
Помоги утопиться
И воскреснуть на дне!

Мы безумные птицы.
И летим в небеса.
Бесконечно нам снится,
Что поют голоса.

Голоса не видений,
И не мёртвых на дне –
Наш заброшенный гений,
Отражённый везде!

Воевода без голоса!
Где нет места лучам,
Мы воскреснем из хаоса,
Недоступны богам!

Вой, не вой – всё равно умираешь
И уходишь в глаза обезьян,
И, как призраки, медленно таешь,
Отступая в последний обман.

И не знаешь, ты жив или умер,
Или просто заснул на груди...
Неживые огромные сумерки
И бездонный огонь впереди!

Хохоток ниоткуда. Не надо!
И не прыгай в куриный помёт.
Одинокая смрадная баба
Поджидает тебя у ворот.

И вопьются кровавые иглы
Словно перья, в куриный помёт.
Скоро кончатся странные игры,
И тогда твоё тело умрёт.

И поставят огромные палки
Вместо ликов в могилу твою.
А пока на весёлой скакалке
Будь как птичка в бездушном раю.

Мне не надо бороться с сознанием,
Мне не нужен чудовищный мрак,
Над моей головой мирозданье
Описало божественный знак.
И гнетут меня тайные мысли,
Углубляясь в забытые сны.
Полукрошки над адом повисли –
Золотистые цели мои.
Эти цели цветут в твоих розах,
Эти цели не ведают цель.
Расточают Господние слезы
Полу-ангел и полу-зверь.
Надо мною проходят метели,
Голубой и нездешний покой.
Отомрут навсегда эти цели,
Отменённые страшной рукой.

Там, за розами, бродят кошмары,
Воплощаясь в цветы на лугах.
Этот тихий, больной и кровавый –
Он бредёт, отрицая свой крах.
Только нам ли бояться кошмаров!
Этот страх – лишь источник любви!
Вместе с дрожью незримых ударов
Поцелуи клокочут твои.

Вот выходят ребята из бездны,
Обещают глубокие сны.
Перед ними – без крыльев виденья,
Перевернутый хаос внутри.
И плывут эти тайные знаки,
Отражаясь в бездонных глазах.
Там – за лесом – прозрачные страхи
Прогоняют отчаянный мрак,
И застыли у Бога в глазницах
Те миры, что умрут навсегда.
Эти знаки, и тайны, и птицы
Перейдут через смерть в никуда.

Перед светом очей первозданных
Вдруг обрушится занавес – Мрак.
Этот тихий светильник печальный,
Этот шёпот, сдувающий мрак,
Этот шелест ума перед смертью,
Этот вздох одинокой луны –
Только всадник с невидимой плетью,
Разрушающий псевдомиры.

В лучший мир отошёл идиотик.
Обнажилась безумная гладь.
На могиле остался волосик
О невинности Смерти вздыхать.

И запели поганые птицы,
Обнажая пустынные рты:
«Что тебе, идиотик, приснится
Там, где скоро очутишься ты?»

Но кусты над могилой печальной,
И смешок некрофила в пивной –
Только тьма, потерявшая тайну,
Только свет над его пустотой.

Чёрный шепот запрятан в пещеры,
Чёрный корень схоронен в земле.
Слышишь: черти, и птицы, и звери
Сговорились сегодня во сне.

Слышишь: змеи в лесу прошептали,
Что умрёшь ты в полуденный час.
Будь же тих, как погибшие твари.
Вечный ужас окутает нас.

Я иду по замёрзшей дороге,
Чтоб найти всё, что я потерял...
Забулдыга... но лучше не трогать
Мою жизнь и того, кем я стал...

Потерял я заблудшую душу,
И дорогу, ушедшую вдаль...
Был я с детства лихой, непослушный,
Был когда-то я крепок, как сталь.

Но теперь, после стольких скитаний,
Верю: встречу я душу мою,
Будь то девушка с именем Таня,
О которой я песню спою...

Или будет то солнце на небе
Голубом и бездонном, как рай...
И лохматый, больной, непотребный,
Я его никому не отдам.

Я войду в свою душу и в солнце,
Все кошмары убью наповал,

И откроется в счастье оконце
Для того, кто себя потерял.

Королева выходит из зала.
Как смешон мой нелепый наряд!
Только б тень от Луны не упала
На лицо, устремлённое в Ад.

Этот хохот, и бегство, и слёзы –
Всё бездонной любви торжество,
Сумасшедшего гада угрозы
И змеи неживой естество.

Вот попрыгаю. «Руки на полки!»
Кто кричит?.. На Луне или здесь?!
Скоро стану по-прежнему бойкий
И не буду ни пить и ни есть.

Клоунада кругом. Клоунада...
Или призраков мёртвых парад?
Знаю: скоро и масок не надо.
Скоро мне не уйти назад.

Вот и вечер. Тьмою просветлело.
Души мёртвых плачут в тишине.
Где мы? В бездне, в поле, в тлене?
Или просто тени на Луне?

Нежным светом души загорелись,
Голубой дымок восходит от ума.
Бог умерших, тихо и без цели,
Первый раз открыл свои глаза.

Время пало. Звёзды побледнели.
Миг один – и кончится душа.
Боже мёртвых, тихо и без цели,
Сразу опустил свои глаза.

Нежилец улыбнулся в пространство,
И запели кругом голоса.
Кротко слышит: «В тоске окаянства
Не увидишь больше греха!»

Перед ним раскрываются двери,
Словно пасть в сумасшедший покой.
Опалён он неведомой верой,
Что дана ему чёрной судьбой.

Нежилец исчезает за дверью,
Ни следа, ни тоски, ни лица...
И закончилось высшее пенье,
Не вмещённое в ужас Конца.

Но звезда за чертою познания
Приютит его тихую тень
И пошлёт ему знак о свиданьи
С тем, кто будет навеки ни с кем.

Не преступники мы и не бредём,
Лишь целуем далёкий закат.
Поражённы, как черви земные, огнём,
Но внутри у каждого – Ад.

Будет чёрный чёрт убежать от нас,
Хохотать Неведомый Враг,
И Земля превратится в змеиный глаз,
Но нам чужд омертвелый страх.

Переждём, уснём, будем сны лизать,
Захочем – в себя упыри.
И очнёмся опять, и пойдём плясать,
И начнутся лихие дни!

Там вдали, во смраде мироздания
Вырастает метаголова.
Нет во мне последнего познания,
И змея хохочет по утрам.

В чёрном хаосе забытых привидений
Вижу: прорастёт Великий Глаз.
Ты дрожишь от ужаса видений
И двоишься, превращаясь в мразь.

Будут странны муки и сомненья.
Станет бредом всё, что видишь ты..
Знаем оба: это выше тленья,
Это выше Сна и Красоты...

Он придёт... Он ничего не хочет.
Мрак, и кровь, и метаголова!
И потом появится Источник –
Тот, который не был никогда.

Мальчик воеет, как роза в аду,
Выпускает пузырь изо рта.
Идиот в голубом меду
Перед ним открывает врата.

Реет ангелов полусон,
Голоса убитых кротов.
И не слышен далёкий стон –
То наброшен белый покров.

Мальчик спит, как роза в раю..
Но на грани последних миров
Улыбается Вечный Враг
Полуадских и райских снов.

По Луне бредёт полутруп,
Завершая распад любви.
И хохочет, угрюм и туп,
Упырёк на его груди.

Труп не видит восход Земли,
Голубой и огромный шар.
Лишь глаза упыря, как магнит,
Возбуждают его кошмар.

И спускаясь в подземный мрак,
И не зная заветных слов,
Он увидит последний крах
И сиянье пустых голов.

Погасили миры, эти странные кошки.
Застыла у Бога в глазницах слеза.
Обними меня, труп,
Всей улыбкой своей бесконечной,
Чтобы замерла где-то
Бессмертная эта волна.
Перейди в меня, труп,
Всей своей истомляющей волей,
Чтобы обмерли боги,
Что спят у меня на груди.
И, холодная воля –
Как хохот миров неизвестных,
За границы исканий –
Перебрось, словно солнце, меня!

Золотится арбуз.
Я не съем его сразу среди тьмы.
Миллионы миров
Появились у смерти в глазницах.
Впопыхах показался
Нездешний пирог,
Что сжирают у девушек в теле
Поганые крысы.
Замутился мой мозг
И оса переплавилась в кошку.
Десять крыс на слонах
Переходят в распятый мой мозг.
Здравствуй, девушка с крысой
На светлой короне,
Нам теперь пировать
Над изъеденным трупом слона.
Поцелуй мои губы.
И кошки застыли.
Вот теперь появляется
Гибель на кончике сна.
Я вдавил тебя в смерть
Поцелуем невиданной птицы,
Что застыла у Бога
На странно-далёких мирах.

Дерево крутится шаром,
Мира как будто нет.
На этом чёрном вокзале
Куплю последний билет.

Вход. Тишина. Два облика.
Пассажиры меняют лик.
Тихо сижу у столика.
С неба падает крик.

Быстро идёт электричка
По миру, которого нет.
Напротив женское личико
Стало как чёрный букет.

И вдруг остановка: «Что это?»
Хохот входит в окно.
Вы позабыли, стойки,
Что умерли здесь давно.

Но за окном – Воскресение!
Здравствуйте, господа!
Выход похож на тление,
Но впереди – весна!

Кто украл мою голову в вечность,
Кто целует цветы по утрам,
Кто танцует в тоске бесконечной
На полях, в городах, по лесам?!

Это Хаос великий и страшный
Расползается, пляшет, визжит,
А у гроба таинственно-мрачный
Сверхпокойник в сияньи стоит.

Я не вечен. Но я и не умер.
Я устал в этом чёрном гробу.
Где мой страх, мой таинственный юмор,
Где младенец, мычавший: «У-у»?!

И хотя я восстану из гроба,
Я пока ещё чужд Бытию,
Будет смерть и рождение снова,
Но хвала от меня забытью.

На земле нет покоя,
Но этого нет и в могиле,
И земля ему будет не пухом,
А кровью убийц и детей.
Возгорится звезда,
Непонятно и тускло мерца,
Освещающая болезненно-длительный путь.
И тогда он, тоскуя о вечном покое,
Будет тщетно искать его,
Требую снов золотых.
И не найдёт ничего,
Никогда, никогда.

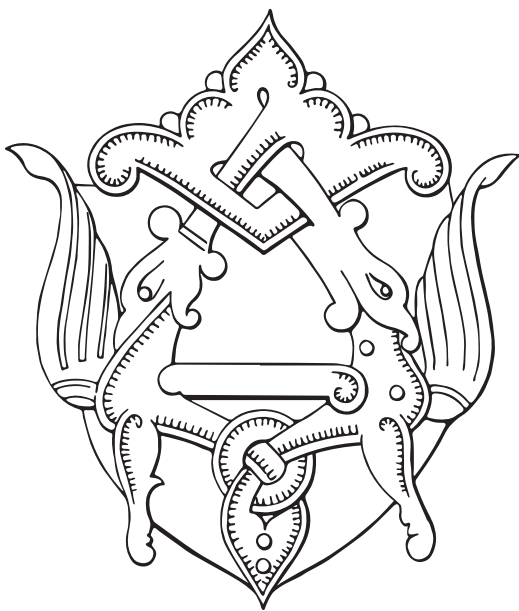

Из заката – так странно и больно –
Вдруг выходит весёлый козёл.
Веет мраком, рекой и привольем
И торчит перед кладбищем кол.
И Луна, улыбаясь Творенью,
Подгоняет мешком из угла
Светоносного дня привиденья.
И мерещится чья-то рука.

Следы Вселенной тихо тают,
И люди превратились в мух.
Они танцуют и летают,
А Мира нет – остался только Звук.

V

Ч А С Т Ь

ЧЕЛОВЕК С ЛОШАДИНЫМ БЕГОМ. РАССКАЗ

Герой этих записок был существо огромное, тридцатилетнее, непохожее на своих сверстников и вместе с тем крикливое, настойчивое. Одним словом, он был удачником. По крайней мере, такое он производил впечатление на всех, видевших его. И ещё бы: зычный голос, быстрый лошадиный бег, большие увесистые руки, красное, отпугивающее наглостью лицо.

Только одна девочка, хорошо знавшая его, говорила, что он – ужас и только извне таким кажется.

Итак,

ЗАПИСКИ ЧЕЛОВЕКА С ЛОШАДИНЫМ БЕГОМ

Вчера всё утро просидел в уборной и задумывался... Господи, куда идтить... В полдня сорвался и побежал... На улице сыро, слякотно, и точно мозги с неба падают. Я людей не люблю: кругом одни хари – женские, людские, нет чтобы хоть один со свиным рылом был... У-у... Так и хочется по морде треснуть... Старушонку

всё-таки я плечом толкнул: шлёпнулась, но завизжать побоялась: больно я грозен на вид, хоть и трусоват... Извинившись перед следующим гражданином, пошёл дальше... Когда я хожу, то очень сурово шевелю ногами и руками... Потому что, если не будет этого шевеления, совсем противно, как бы незачем жить... Кругом люди и люди... А тут всё-таки своё шевеление.

Люблю я также на людей смотреть, особенно на верхушки... С часок могу так простоять: народец на меня, бывало, натывается.

Но сейчас деревья не попались, одни троллейбусы... Увидев первый же тёмный переулец, я всего избежал... Завернул в него... За луком народу видимо-невидимо... Но в очередях я людей люблю: больно они на монахов похожи и рассуждают... Один мужичонка хотел меня побить, думал шпик... А мне что: шпик не шпик, король не король... От лавки до угла я совсем пустой был: шевеление прекратилось, и не знал я, чего делать... В таком случае я всегда подпрыгиваю... Тогда мозги растрясет и пустоты – нет... С того угла я стал подпрыгивать. Пионеры на меня коситься стали... И откуда около пивных столько пионеров?

...Пустота прошла, мне к Богу полететь захотелось. Я Бога люблю, только редко его замечаю.

Инда около одного двора много грузовиков скопилось... Мужики кряхтят, водой плещутся... Я дурак дураком, а подсобил... Я иной раз люблю подсоблять, на душе так светло-светло становится и в морду бить никому не хочется... Ушёл... Больно тяжелы мои ноги стали; точно кровью наполнились... Удивительное дело:

ноги – тяжелые, а дома – лёгкие... Вон он стоит – громадина в десять этажей, – а мне-то что, мне – ноги тяжелы, а ты есть не есть – всё равно лёгкой... Я иной раз плясать люблю. Но перед людьми – никогда. Перед домом или грузовиком. И обязательно с гармоникой... Это мне часто выпивку заменяет... Только в милицию можно попасть, а затылок бывает теплой от крику...

Я пошёл дальше. Прошёл рынок, молочную, сквер, двух баб. Потом – в пивную. Денег сегодня – на кружку пива... Хорошо, хоть мозга растряслась...

Я когда в пивнушку вхожу, сам не свой делаюсь... Народ здесь как ангелы – в душу смотрят... Одежонки у всех распахнуты, отовсюду нутром несет, а главноить, – глаза, глаза, глаза... Со всех сторон дырявят... Но это первый момент... А потом – все сами по себе, как оглашенные...

Я пивка взял, кулак соли в него всыпал и стою у окна прохлаждаюсь... В это время – мне чесаться нравится... Я пивка отопью, сниму носок или рубаху выверну и почешусь вдоволь... Народ ржёт, а на самом деле это – не народ, а киноактеры... Кино есть кино... Чесание такое мне по душе – я себя в это время личностью чувствую, молодым, дубком, Бонапарте... Хорошо, как на пляже... Выпил, в башку мысль глянула... К Моськину идти... Вот как бывает, давеча в уборной сидел – мучился, не знал, куда идти, а теперь всё знаю...

Моськин рядом живёт... Парень он аккуратливый, без оглядки, только сам на себя смотрит. Жена у него – под брюками...

Иду... Холодновато солнышко для меня... Не на той планете я родился... Ване Данилычу бы в других местах

жить, подальше от шума-гама да поближе к звездному небосклону... Интересно, мозги у меня серые, а как можно серостью думать?!

Моськин на втором этаже живёт... Обрадовался, рассобачил пасть, заулыбался... Понятливый... Сели, посидели. Прошло с часок, а может, и все три. Потом я песни запел. Мне какая песня понравится, так она у меня в мозгу гвоздём сидит. А от гвоздя того как бы сияние исходит во все концы: в глаза мои бьёт, и в волосы, и в рот... Мне что, мне хорошо... Пустоты нет, одна тупость... Я сам себя песней-гвоздём чувствую... Только кто меня в стенку забивать будет? А я, когда пою, сам в небеса гвоздём забиваюсь.

Моськин, разиня рот, слушал.

– Больно надрывно поёшь, – говорит...

Потом дитя, тоненькое, как глиста, проснулось. Моськин говорит: кончай орать. Я попел с часок, потом скрепя сердце кончил. Моськин за картошкой ушёл...

Мне опять тяжело стало... Куда деваться?... И к дитю подошёл... Рука у меня огромная, пивная, а кулак больше евойной головы... Я со страху чуть не обмочился, но в душе приятно защекотало... «Вот для чего я живу», – подумал я. Пальчищами своими я его за горло взял... Дитё неразумное, на потолок смотрит, на мух... А меня – так и тянет, так и тянет... Но страшно стало...

Первое дело – засудят, а я себя люблю... Второе – сам себе страшен стал... Одного придушишь, второго, третьего... А там пошла... Так, глядишь, и на себя руку подынешь, самого себя перед зеркалом задушишь... Трусоват я стал... Аж вспотел от страха, на дверь оглянулся...

Дитёнку – ручищей пивной – животик щекотнул, соску вправил...

Наконец Моськин пришёл. Я его по-обезьяньему в морду поцеловал. А он распетушился – почему дитё орёт.

Я говорю: «Я на него дохну!».

Он кричит: «Я тебе дохну, ухажер!»

Скучно мне стало. Гвоздей нету. Шевеленья тоже. И главное – конца-краю нет. Глянул в окно: далеко, Господи, ты землю раздвинул. А нам-то, где конец, где начало?..

Хотел было в уборную пойтить, да Моськин не пустил.

От Моськина я брёл, как волна, – то падаю, то поднимаюсь. А что толку – всё течёт... Но каждый кончик свой вопрос имеет. Нога спрашивает – зачем?! Не в смысле хождения, а в смысле ощущения ноги – зачем? И куда? Во что?

Так же и всё остальное. В целом. А то, что мыслит, мозга, особенно кричит: зачем, зачем?!

Точно хочет куда-то подпрыгнуть и из тюрьмы своей вырваться.

Я побежал. Я от мыслей часто бегу. Но теперь не могло. Словно не я бегу, а всё кругом бежит... А мне скучно.

Пришёл домой. Вечерело. Починил стул. Посидел. Починил стул. Опять посидел. Папаня приплёлся, старичок. Он у меня – один.

Я говорю:

– Папань, чегой-то я сегодня весёлый.

Он молчит.

Мне молчи не молчи, я и сам могу кулаком махнуть.

Жалко мне папаню. Грязный он у меня, нищий и оборванный. Старичок, а сопливый, как дитя. И глаза – ясные.

В чёрном теле я его держу.

Если б мне было куда деваться, я б его по-настоящему пожалел. А то я его жалею больше для себя, для забавы. А деваться мне в самом деле некуда – сколько ни работай, сколько песен ни пой. Вопросительный я весь, точно закорючка.

А старика люблю пожалеть: бью его, деньги отбираю, чёрствым хлебом кормлю, а жалеть – жалею.

– Папань, пригреть? – заложив руки в бок, подошёл к нему. Он конфузится и лезет в угол.

Я старика мыть люблю, в корыте. Он голодный, долго не выдерживает. Но я промою, кулачком по бокам пройдуся.

Этот раз он еле дышал. Завернул его в простыню, на постель кинул, одеялом прикрыл... Очухливайся, родимый.

...Свет погасил. Картошку поел. Я во тьме люблю есть. Походил по комнате, заложив руки в штаны...

Вопросительность во мне растёт, а жизнь – это вялое бормотание...

Постучал стулом...

Господи, когда же я к тебе улечу?!

СТИХИ ЧЕЛОВЕКА С ЛОШАДИНЫМ БЕГОМ

Шевелятся от ветра листочки...
Я бреду по далёким лесам.
У меня родились две дочки,
Я их бесам никак не отдам.

Ходят слухи, что мира не будет...
Но что будет – не знает никто.
Я вздыхать по Вселенной не буду –
Всем пророкам и тайнам назло.

Шевелятся от ветра листочки...
Хорошо бы сплясать поутру,
Помякуть с таинственной кошкой
И водяры напиться в углу.

Хохотун я и томный ублюдок,
Неприметно хожу по дворам,
Жду небесных, доверчивых уток,
Прилетевших от Господа к нам.

Почешу свою белую ногу,
Обольюсь безобразной слезой,
Непонятно-лихой недотрогой
Мимо толп провиляю домой.

И в подвале, клопином и тёмном,
Неподвижно гляжу из окна.
Там из вёдер, пустых и огромных,
Встрепенется, как птица, Она.

Над сиреневой рекой
Чёрт лохматый скачет,
То хохочет, как чумной,
То тихонько плачет.
Занесло его судьбу
В мир чужой, физический,
И становится ему
Просто фантастически.

Предсмертный рёв гиппопотама
Мне душу ранит по ночам,
Моя душа пришла из рая –
И вот те на: гиппопотам?

Маленькая девочка
рот раскрыла вдруг.
На неё внимательно
посмотрел паук.
Рассердилась девочка,
плюнула в него,
И от славной парочки
не осталось ничего.

Посмеёмся над черепом милым,
Ведь когда-то он был головой,
Вспоминал о своей любимой
И твердил, что он – вечно живой.

Дорогие братишки, мне тошно
Непонятною речью блистать.
Лучше я расскажу о картошке,
А потом уж пойду помирать.

Этот мир бесконечно безумен,
Но когда-нибудь, братцы, и он
Станет добрым, спокойным и мудрым,
Словно старый индийский слон.

Ох, не лезьте вы в пасть крокодила,
Не пугайте его собой,
Он владеет огромной силой,
Но дороже ему – покой.

Не забудь, что ты был идиотом,
Что ты плавал, как рыба в беде.
Я взглянул в твои странные очи
И увидел там небо на дне.

Обалдел я от жизни, ребята,
И от смерти слегка обалдел.
Хорошо бы сплясать перед закатом,
Ещё лучше – попасть под обстрел.

Хохотнули мы в вечность с размаху,
Смотрим: бездна, кошмар, пустота.
И решили тогда мы без страха,
Что не нашего это ума.
А чей ум разберётся в кошмаре –
То познать никому не дано,
Ну, а нам бы – попариться в бане
И не знать ни о чём ничего.

Не молись на меня, моя детка.
Просто я – неживой идиот.
Запереть меня надобно в клетке
И показывать бесам вперёд.

Я не плачу, не сплю и не спорю.
Обнажу-ка свой трупный живот.
И увижу, приехав на море,
Своей собственной рожи восход.

Хохотушкин, нелепый и жуткий,
Бродит дико по тайным углам.
Одинокие окна-ублюдки
Отдаются угрюмым мечтам.

Вот подходит к источнику мрака
И влезает в него с головой...
Его хохот, подъятый на страхе,
Разговаривает сам с собой.

Сумасшедший, больной, но изыскан,
Спать ложится в пустой муравейник.
Промелькнут одинокие мысли,
Замахнётся из гроба затейник.

И таинственно пискнет сознание,
Опрокинув в себя все идеи,
И весь мир, пустоты скрежетание,
Станет призраком собственной тени.

Надоело мне, милые, шляться
Среди странных задумчивых рож.
Лучше к Господу выше подняться
Иль исчезнуть, как юркая вошь.

Я гуляю под пятнами мрака
И держу колокольчик в зубах,
И гуляет со мною собака –
Это мой отделившийся страх.

Тихий гад с безумными глазами
Ищет свою маму в кабаках,
Кто-то стонет, топает ногами,
Слушает в себе последний страх.

Спит в углу малютка-психопатка,
Строгий дед сечёт угрюмого козла.
Тихий гад поёт надрывно, сладко,
От лица его нисходит мгла.

Скоро девочка невинная проснётся,
Строгий дед исчезнет, как мираж,
Тихий гад змеёю обернётся –
И появится великий Страж.

Не могу я, ребята, молиться
На угрюмо торчащий пень,
Лучше мне, наконец, утопиться,
Чем разгадывать высшую тень.

Подойду к одинокому трупу,
Закричу ему в ухо: «Ура!»
Он ответит спокойно и глухо:
«Отойди от меня, сатана».

Не найти мне покоя и счастья,
Снова крикну, как леший: «Ура!»
И мне станет таинственно-ясно,
Что Вселенная мне не нужна.

Дикий ветер хохочет над миром,
И ползёт по Солнцу паук.
Мы такие несчастные, сирые
В этот мир объявились вдруг.

Я боюсь, что боюсь и живу я.
Высший Глаз наблюдает за мной.
И в пространстве, звеня и ликуя,
Вьётся маленьких чёртиков рой.

Подойду к одинокой собаке
И скажу ей в открытую пасть:
«Что ж ты, дура, родилась во мраке,
Чтоб на этой планете пропасть?»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------	---

I ЧАСТЬ

ПРАЗДНИК. РАССКАЗ	25
СТИХИ ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНИ НЕЗДЕШНИХ ТВАРЕЙ»	
Я невинная тварь, кто детей пожирает в тумане...	38
Надоела мне смена смертей бесконечных...	39
Будешь в небо скакать? Будешь плакать над сыном?..	40
Я хочу жить и жить в бесконечном раздолье тумана...	41
Я двуногая тварь, истребившая душу в виденьях...	42
Любо идти по широкой и вольной дороге...	43
И опять этот мир, так похожий на тот, где я плакал...	44
Кто бы съел меня в чёрном растленном тумане?!	45
Я иду по заросшей от трупов дороге...	46
Пусть я кошка. Но был я брамином...	47
Хохочу я как труп из могилы...	48
Там раскинулись крыльями ворона сети...	49
Отупел я до ужаса. Чёрные тени...	50
Я – угрюмый тяжёлый работник...	51
Распластались безумные очи	52
Тихо лежу, завершая огромную жизни тревогу...	54
Под неведомым ужасом ночи...	55
Хе-хе-хе, я не умер в тот вечер...	56
Подарил бы мне мир огневую подругу...	57
Я смотрю на тебя в изумлении...	58
Я люблю этот мир, одинокий, немного кровавый...	59
Я не чёрная тварь, уязвлённая бредом Вселенной...	60
Одинокий беспомощный мальчик-ублюдок...	61
Как понять этот чёрный рассвет...	62
Где мой труп, обратившийся в дивные снежные розы?..	63
Я живу во Вселенной, что создана – бред – по ошибке...	64
В этот вечер таинственно-чёрный...	65
Ты ушёл от меня, мой таинственный мальчик...	66

Мы бредём по заросшему лесу...	67
Запредельное дышит в бессмысленном проклятом мире...	68
Я хочу перейти в небывалую сферу Незнания...	69
Всюду тьма как в бездонной берлоге...	70
Время шататься по дальним планетам прошло...	71
Я разбит, очарован и съеден...	72
Белой тварью раскинулось поле...	75
Я был угрюм и безобразен...	76
Расселила нас вечная страшная Сила...	78
На границе сна и мироздания...	79

II ЧАСТЬ

МОСКОВСКИЙ ГАМБИТ. РОМАН. ГЛАВА ПЕРВАЯ	83
СТИХИ АЛЕКСАНДРА ТРЕПЕТОВА	
Свет божественный, свет нетварный...	93
Кто-то тихо заплакал во сне...	94
Гроба исчезнут...	95
Мой двойник обнажён до предела...	96
Оттремели в аду гром и стоны...	97
Распускаются чёрные смерти...	98
Не забудь умереть, дорогая...	99
Я кошмарен. Великие тени	100
Падает чёрный снег...	101
Из огромного чёрного гроба...	102
Беспредельный огненный смерч...	103
Покойник смотрит волком...	104
Кентавры хохочут и скачут...	105
Закричу, заору: «Мой спаситель!»...	106
В тумане ужасов прекрасных...	107
Не грусти, у зеркал отдыхая...	108
У меня был единственный друг...	109
Проклятый высшими силами...	110
Не смотри на себя, ты пуглива...	111
Абсолютный ужас! Вздрыгнут и могилы!..	112
Ангелы в небе стонут...	113
В этой жизни покоя не надо...	114
За пределом мира проклятий...	115
Он огромен и пуст...	116
Свет небесный сильнее и сильнее...	117

Скорби не ведает знающий Бога...	118
Тихий, задумчивый мальчик...	119
Купол золота в небе...	120
Дети страха тоскуют о Боге...	121
Дико трубит слонёнок...	122
Забудем, что мы живы...	123
Я – сокрытый источник страданий...	124
Я незримый хранитель ада...	125
Дикий хохот потока сознания...	126
Жизнь идет с небывалой мощью...	127
Вселенскому сну я не верю...	128
Кто-то умер недавно во сне...	129
Я стою у глубин распада...	130
Дети ада играют в ужас...	131
Ты кричишь, как безумная птица...	132
В этом городе чёрно-крававом...	133
Мы одни в глубине пещеры...	134
Мама, мама, прости, я безумен...	136
Устал я жить, устал хохотать...	137
В гармонии миров есть дивная отрада...	138
Наступает покой и безумье...	139
Я родился средь темной ночи...	140
У смертной черты полутрупной...	141
Не безумен я, мама, а хуже...	142
Я расту в Себе как в блаженном бездонном тумане...	143
Веет тихой прохладой, не смертью...	144
Это счастье – быть человеком...	145
Небо бессмертия движется к нам...	146
Не забуду, что я уже умер...	147
Господи! Сила бессмертия...	148

III ЧАСТЬ

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ. ЭССЕ	151
НЕОТРАЗИМАЯ СИЛА. СТИХИ О РОССИИ	
В самом сердце тихой России...	163
В глубинах России Вечной...	164
Россия тайными уклонами...	166
Русская Душа (В глубинах высших и бездонных...)	167
У России есть несколько лиц...	168

Деревушка. Река. Раздолье...	169
Россия будет! Сквозь вечный холод...	170
Бесконечна ты, Русь, бесконечна!..	171

IV ЧАСТЬ

УТОПИ МОЮ ГОЛОВУ. РАССКАЗ	175
НА ЗЕМЛЕ НЕТ ПОКОЯ...	
Скоро время совьётся в пространство...	190
Я не ангел в сиянии славы...	191
Ты сегодня в тюрьме. Ожидаешь расстрела...	192
Розы цветут в голове...	193
Очень много чертей на свете!..	194
Не пляши, как дурак, завывая...	195
Поезд мчится в тьму ночную...	196
Не целуй по утрам обезьяну...	198
Из горы чёрно-глубокой...	199
Есть страна такая...	200
ИЗ ЦИКЛА «НАРОДНЫЕ»	
На дальней на дороге...	203
Не умру... Перед Господом Богом...	205
Только плакать в могиле не надо...	206
Из лихого и высшего Бреда...	207
Распласталось безумное море...	208
Подними свой лик, мой нежный мальчик!..	209
Говорил: «Нечестивая, странная...	210
Вот ушёл от уснувшей Свины...	211
Чёрный чёрт загородит пространство...	212
Говоришь, что не надо объятий...	213
Воевода без голоса...	214
Вой, не вой – все равно умираешь...	216
Хохоток ниоткуда. Не надо!..	217
Мне не надо бороться с сознанием...	218
Там, за розами, бродят кошмары...	219
Вот выходят ребята из бездны...	220
Перед светом очей первозданных...	221
В лучший мир отошел идиотик...	222
Чёрный шепот запятан в пещеры...	223

Я иду по замёрзшей дороге...	224
Вот и вечер. Тьмою просветлело...	226
Нежилец улыбнулся в пространство...	227
Не преступники мы и не бредём...	228
Там вдаль, во смраде мироздания...	229
Мальчик воев, как роза в аду...	230
По Луне бредёт полугруп...	231
Погасили миры, эти странные кошки...	232
Золотится арбуз...	233
Дерево крутится шаром...	234
Кто украл мою голову в вечность...	236
Я не вечен. Но я и не умер...	237
На земле нет покоя...	238
Из заката – так странно и больно...	239
Следы Вселенной тихо тают...	240

V ЧАСТЬ

ЧЕЛОВЕК С ЛОШАДИНЫМ БЕГОМ. РАССКАЗ	243
СТИХИ ЧЕЛОВЕКА С ЛОШАДИНЫМ БЕГОМ	
Шевелятся от ветра листочки...	249
Хохотун я и томный ублюдок...	250
Над сиреновой рекой...	251
Предсмертный рёв гиппопотама...	252
Маленькая девочка...	253
Посмеёмся над черепом милым...	254
Ох, не лезьте вы в пасть крокодила...	255
Не забудь, что ты был идиотом...	256
Обадел я от жизни, ребята...	257
Хохотнули мы в вечность с размаху...	258
Не молись на меня, моя детка...	259
Хохотушкин, нелепый и жуткий...	260
Сумасшедший, больной, но изыскан...	261
Надоело мне, милые, шляться...	262
Тихий гад с безумными глазами...	263
Не могу я, ребята, молиться...	264
Дикий ветер хохочет над миром...	265
Я боюсь, что боюсь и живу я...	266

Юрий Витальевич Мамлеев
НЕВИДАННАЯ БЫЛЬ

СТИХИ И ПРОЗА

СОСТАВИТЕЛЬ
Тимофей Решетов

www.traditionpress.ru

ИЗДАТЕЛЬ
Андрей Суворов

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Андрей Степанов

ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК
Евгения Бубер

КОРРЕКТОРЫ
Андрис Дзегузиныч, Мария Степанова

ISBN 978-5-9905747-0-0

Печать офсетная. Первый тираж 1001 экземпляр.
Отпечатано в типографии ООО «ДМ-Буквэй», Москва

НАШ ПАРТНЕР:

ЧАЙНОЕ ДЕРЕВО

www.tea-tree.ru

МАГАЗИНЫ В МОСКВЕ:

ГАМСОНОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ 2, БЦ «Т»; БАГРАТИОНОВСКИЙ ПРОЕЗД, ДОМ 5, ТЦ «ФИЛИОН»;
БАГРАТИОНОВСКИЙ ПРОЕЗД, ДОМ 7, ТЦ «ГОРБУШКИН ДВОР»; ПРОФСОЮЗНАЯ, ДОМ 56, ТЦ «ЧЕРЕМУШКИ»
ЧАЙ И КНИГИ!

+7 (964) 64 300 10 | +7 (964) 64 300 20

ТРАДИЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА